

В. Ядаганов

Воробьи

Рассказы

Новосибирск – 2022

В. Ядаганов

Воробьи

Рассказы

Рисунки — В. Попов

Новосибирск — 2022

ББК 84(Р2ос-Рус)6-4
Я 320

Вячеслав Ядаганов
Воробьи: рассказы. — 2022, 140 с.

© Ядаганов В., 2022

Содержание

От автора.....	4
Отзыв Мундусовой З.С.	7
«И полечу я далеко-далеко...»	9
Ведро пельменей.....	24
Подарок.....	32
Подарок. Годы спустя.....	40
Мишка.....	54
Последний урок.....	62
Только правду и ничего... ..	79
«Я тебя никогда не брошу».....	92
«Дай им Бог...»	103
Бег по кругу.....	110
Воробьи.....	119

ОТ АВТОРА

Добрый день, мои дорогие читатели!

Уже в традицию входит, что в каждой очередной книжке я Вас всех встречаю, приветствую и говорю несколько слов (вернее, пишу) о том, что произошло у меня в творческом плане после предыдущей книжки. И я очень рад этим встречам, хотя и заочным.

А вот очередная моя очная встреча с моими читателями прошла в городской библиотеке, на Жил-массиве. Я отнес несколько своих первых книжек туда, а в начале этого года звонят работники библиотеки Тайтакова Т.С. и Володина Е.Г. и говорят, что хотели бы провести встречу, люди читают ваши книги, рассказы им нравятся.

Я согласился, и 23 марта 2022 года эта встреча состоялась. Читателей собралось много, это были соклассники, писатели, друзья, знакомые, которые делились своими впечатлениями, высказывали замечания, предложения по написанным мной рассказам и повести «На берегах Катуня». На мое удивление, было много корреспондентов от средств массовой информации: нашей ГТРК, газет «Звезда Алтай», «Алтайдын Чолмоны», «Горно-Алтайский вестник», «Листок». Встреча прошла в теплой обстановке, люди задавали вопросы; мне всегда нравится, когда встречи с людьми проходят именно в таком, живом, ключе, в формате обоюдного общения.

Присутствующие с интересом посмотрели, как разыграли на сцене мой рассказ «Диалоги» Заслуженная артистка РФ И. Охрина, Заслуженные артисты Республики Алтай Н. Юданова, В. Перчик.

После встречи я раздал свои книжки, мы пили чай, продолжили разговор.

Приятно, что продолжают публиковаться мои рассказы в так называемых, «толстых» журналах. После «Сибирских огней» появились в журнале «Алтай» несколько историй из «Рассказов деда Миши», в журнале «Дальний Восток» рассказ «Медведица». Продолжают появляться рассказы в республиканских газетах, в том числе и в трех районных.

В 2021 году я участвовал в Новосибирском областном литературном конкурсе им. А.П. Чехова «Краткий слог». Стал Лауреатом в двух номинациях: «Проза» и «Поэзия».

Произошло и печальное. Ушла из жизни Доктор филологических наук, литературовед Н.М. Киндикова. Я с ней не общался раньше лично, удивился, когда она написала в газете очень теплый отзыв о моих первых книжках. Пришла на мою первую мою встречу с читателями в 2021 году, выступила. После встречи мы с ней поговорили. В первый раз. Потом переписывались по электронной почте, делились мнениями по многим вопросам, она подсказывала мне много чего полезного. Потом писала, что заболела. Земля пухом...

И конечно, события в Украине, которые начались в феврале этого года... В страшном сне нельзя было представить, что такое возможно в наше время. Самое тревожное, что совсем непонятно, когда все это закончится, и чем... Уже есть люди из моих знакомых, ушедших туда и оставшихся навсегда. Проснешься ночью и лежишь, все думаешь...

Стихи идут, сюжеты рассказов. В этот сборник я поместил один рассказ. Под которым можно подписать: «...на реальных событиях». К сожалению...

А очередной сборник рассказов я назвал «Воробы». По названию одного из рассказов.

В первый раз у меня выходит книжка с рисунками. Рисунки нарисовал наш талантливый художник Владимир Попов.

Как всегда, помещаю один из отзывов моих читателей. На этот раз это Мундусова З.С. Надо сказать, и ее я не знал, не встречался. Спасибо, Зоя Сергеевна.

Надеюсь, и будущим мартом мы снова встретимся, и я снова прочитаю что-нибудь новое. Хотел бы, чтобы это стало традицией.

Оптимизма Вам всем, радости и добра.

До встречи!

ПИСАТЕЛЬ ИЗ НАРОДА

Я прочитала рассказы Вячеслава Ядаганова. Они меня увлекли, было чувство, как будто я оказываюсь свидетелем человеческих судеб. Рассказы мне очень близки, понятны, потому что они убедительны о судьбах и чувствах, отношениях простых людей, да и собственных переживаниях.

Рассказы написаны грамотным, художественно-литературным языком, читается легко, потому что сюжеты рассказов достоверны, воспринимаешь, как свидетель этих событий.

Кусочки жизни, судьбы людей, да и свою жизнь он собрал в сборники «Осколки».

Рассказы очень интересные, поучительные, действительно, жизнь, судьба каждого человека — это целая неповторимая история, еще какая-то часть истории страны. Например, рассказ «Грамоты»: человек, всю жизнь проработавший и имеющий целый чемодан грамот, не считается ветераном труда. Действительно, причем орден, он ведь вручается за какой-то подвиг героический, значительные достижения. Да, для старика обидно и не понятно, унижительно и несправедливо такое отношение, отказ признать его ветераном труда, и поэтому он сжег все свои грамоты.

Когда читаешь рассказ «Первая и последняя» — об его участии в охоте на марала, и «Медведица» — расстрел медведицы с медвежатами, сразу вспомнишь события в нашей республике 2009 года, когда с вертолета расстреливали горных краснокнижных архаров, алчность, жестокость все равно наказуемо.

В давние времена алтайцы на охоте могли убить только одну косулю, потом мясо делили поровну, больше убивать не смели.

Ведь на своем благословенном Алтае мы едины с природой: животными, растениями и в целом с окружающей средой, казалось, ведь мы молимся своему Алтай Кудаяу, вымаливаем благополучия, соблюдая при этом обычаи перед охотой. Надо признать, такая гармоничная связь нарушена самими же алтайцами, о чем подтверждает гордо умирающий марал, высоко подняв голову, роняя слезинки из глаз о жестокой смерти.

Когда читаешь рассказ «Забудь свое имя» вспоминаешь ужасные времена 30-х годов. Человеку, чтобы выжить, надо забыть свое происхождение, принадлежность, имя.

В рассказе «Литовка» действительно с раннего возраста дети приучались к труду, мудрости у стариков, с какой теплотой мальчик пишет сочинение о своем деде. Каждый человек тут вспомнит и свое детство, как мы работали на заготовке кормов во время летних каникул, с наслаждением вдыхали запах свежей травы, чувствовали тепло чуть-чуть высохшего сена.

Так же интересно читать его четверостишия, а тема любви отражена в стихотворении «Вечная тема».

В конце хочется сказать и пожелать автору: имея такой опыт, талант, вполне может перейти к написанию большого романа.

Желаю дальнейших творческих успехов, здоровья.

С уважением, Зоя Сергеевна Мундусова

«У нареры а
гарека-гарека...»

«И тогда набрался сил и храбрости, вдохнул воздуха полную грудь маленький птенец и выпрыгнул из гнезда. А гнездо находилось в ущелье, в скалах, высоко-высоко; из гнезда птенец иногда выглядывал, подползая к краю, но тут же отползал обратно: там, далеко-далеко, внизу, шумела бурная река, а по ущелью летал ветер, посвистывая и принося какие-то незнакомые звуки. Сначала камнем падал он в ущелье, ему стало страшно, он стал шевелить крыльшками, еще не окрепшими, сначала робко, но потом все сильнее. И его подхватил ветер, подбросил вверх, крылья распрямились, и он полетел...».

Дедушка Коля прервал свой рассказ, поглядел на небо, сказал: «О, скоро дождь пойдет, убегаем». И понес недошитый ботинок в свою будку. Потом вернулся, на улице оставались два табурета, на одном он сидел, на другом лежали его инструменты: молоток, ножи, нитки, еще кое-что. Дедушка понес в будку один табурет, а Сашка стал помогать, собрал инструменты со второго табурета, понес за дедушкой. Не успели они прикрыть дверь будки за собой, когда все занесли, как хлынул дождь.

Дедушка Коля — это сапожник. Его небольшая будка находилась между двумя пятиэтажными домами. В одном из них жил Сашка. Он выходил каждый день гулять на детскую площадку, рядом с домами, играл в песочнице, смотрел, как старшие ребята гоняют мяч. Но больше ему нравилось смотреть, как работает дедушка Коля. Когда было тепло и не было дождя, дедушка Коля работал прямо на улице, как сегодня, до дождя. Он выносил на улицу

свою работу — а это были стоптанные туфли, ботинки, сапожки — и у всех на виду занимался своим делом. Его все знали, здоровались, кто-то приносил обувь на починку, кто-то уже забирал отремонтированное, а кто-то просто подходил, поговорить. Сашка смотрел, как дедушка брал в руки очередной ботинок, тряпочкой вытирал пыль и грязь с него, внимательно осматривал со всех сторон и принимался за дело. Отрезал ниток с мотков, белого или черного, какого и сколько нужно, и ловко работая шилом, с зубчиком на конце, прошивал. Но еще больше Сашке нравилось слушать дедушку Колю. Он знал множество историй, с удовольствием вступал в разговоры с жителями этих пятиэтажек. Иногда мужики, выйдя покурить, специально подходили к мастерской и начинали разговоры с сапожником. Вот сегодня, до дождя, подходил Иван Лукич.

— Привет, Николай!

— Здравствуй, Лукич, коль не шутишь.

— Какие шутки, Николай, какие шутки. Вот, никак курить не могу бросить. И жена пилит, да и сам, чувствую, легким тяжеловато. Подкашливаю.

Мужчина вытащил из кармана пачку с сигаретами, зажигалку, закурил, аппетитно втягивая в себя дым. Сапожник, глянув на курящего, ответил:

— Как говорил Марк Твен: «Курить бросить — самое легкое дело. Я сам раз тридцать бросал».

— Да, легкое, — усмехнулся Лукич. — Болтать мы все умеем, а вот сделать... Так и я раз сто смогу.

Лукич, Иван Лукич, живет на той же лестничной площадке, что и Сашка, только дверь в Сашкину

квартиру — прямо, а у Ивана Лукича — по левую руку. Иван Лукич приветливый, встретит Сашку на улице или в подъезде, поздоровается, расспросит о чем-нибудь, улыбнется. Иногда конфетку даст.

Дождь был сильный, с ветром, но лил недолго, неожиданно закончился, как и начался. Сапожник с Сашкой смотрели через запотевшее окно, как бежали лужи по обочине дороги, как торопливо заходили в подъезды домов люди, складывая зонтики. А некоторые были промокшие, без зонтов.

— Вишь, как быстро он закончился, напугал больше, — усмехнулся дедушка Коля. — Давай приоткроем дверь, а то окно запотело.

— Дедушка Коля, а что дальше было?

— Что, Сашок?

— Но орленок? Он нашел маму?

— А-а, птенец? Ну, слушай дальше. Летел орленок долго, получалось у него не очень, крылья уставали, но он приспособился под встречный ветер, начал отдыхать на ветру... О, Сашок, по твою душу, вон, мама тебя ищет, — сапожник показал на дверь подъезда. Там стояла молодая женщина. Она осматривала детскую площадку.

Дедушка Коля приподнялся, выглянул, махнул ей рукой: «Нина Ивановна, здесь он, здесь!»

Женщина подошла, приветливо улыбнулась: «Здравствуйте, Николай Петрович! А я жду, жду, смотрю — дождь идет, думаю, промок весь, пошла искать. Пойдем, Сашенька! Спасибо вам, приютили его, дождь-то, вон, какой был».

— Все, Сашок, давай, до завтра.

— До свидания, бабушка Коля!

— До свидания, Николай Петрович!

Нина Ивановна взяла Сашку за руку, и они пошли к подъезду. А сапожник провожал их взглядом, пока они не зашли в подъезд, посидел еще немного, вздохнул тяжело и продолжил свою работу.

Нина Ивановна не мама Сашки. Она появилась в их доме около полугода назад. А еще раньше Сашка с папой остались одни. Мама уехала. А перед этим мама с папой всегда ругались. А Сашка забивался в угол и плакал. Когда мама исчезла, Сашка думал, что она приедет. Но проходили дни, месяцы. Ее не было. Он несколько раз спрашивал у папы, когда она приедет. Но тот сердито отвечал, что не приедет никогда. А Сашка не верил, ночью просыпался и думал о маме. И однажды папа сказал, что теперь у него будет новая мама. И появилась Нина Ивановна.

В первый же вечер Нина Ивановна обняла Сашку, прижала его к себе крепко-крепко, погладила по голове, улыбнулась: «Как тебя зовут?»

— Сашка.

— И сколько лет тебе, Сашка?

— Четыре. Скоро будет.

— Буквы знаешь? Сколько знаешь букв?

— Я не знаю, мама только сказки читала. Сказала, буквы потом будем учить.

— А теперь буквы мы с тобой будем учить. Я буду твоей мамой. Согласен?

Сашка молчал. Посмотрел на папу. Тот уловил его взгляд.

— Я тебе сказал, что мама больше не приедет, — недовольно буркнул он.

— Ничего, Сашенька, я буду тебя называть Сашенькой, мы с тобой и сказки будем читать, и буквы учить, — прижав к себе Сашку, сказала новая мама.

Действительно, перед сном она прочитала ему сказку, которую он не запомнил, уложила спать в его комнате, погладила Сашку по голове, поцеловала в лоб, и пошла к папе в спальню. Сашка полежал немного, откинул было одеяло, чтобы, спрыгнув с кровати, примчаться к родителям в спальню, как раньше бывало, но опомнился и передумал, снова залез под одеяло.

Стал думать о маме. И уснул. И мама ему приснилась. Она вытирала его после душа шершавым полотенцем, что-то говорила, обнимала и гладила по голове. Он проснулся, было уже утро, он понял, что рядом кто-то стоит и гладит его. Это мама! Вернулась! Он радостно повернулся, но... около кровати стояла Нина Ивановна.

Сашкино тело сразу обмякло, он хотел спрятаться под одеяло, но Нина Ивановна стала его щекотать: «Просыпайся, Сашенька, просыпайся. Умывайся, завтрак готов». Но Сашка свернулся в комочек, отвернулся, почувствовал, что из глаз сейчас пойдут слезы...

После завтрака Нина Ивановна отводила Сашку в садик. Он находился недалеко, там было шумно, много детей. Они бегали, играли друг с другом, обмениваясь игрушками, воспитатели их заставляли делать зарядку, кушать и спать. Сашке не терпелось дожидаться вечера, когда за ним придет мама. Но это было раньше. А сейчас по привычке он все поглядывал, не идет ли мама, но приходила Нина Ивановна. Настроение у Сашки портилось.

Нет, относилась Нина Ивановна к нему хорошо. Никогда не ругала его, каждый вечер, перед сном, читала сказки, учила с ним буквы, из магазина приносила вкусное что-нибудь; когда укладывала спать, садилась рядом и гладила его по голове. Но Сашка отворачивался и лез под одеяло. Нина Ивановна молча сидела некоторое время, вздыхала и уходила.

А Сашка все не мог понять, почему у него должна быть другая мама. Он несколько раз об этом спрашивал у папы, интересовался, когда придет его настоящая мама, но тот грубо отвечал, потом сказал, чтобы он забыл про нее, и больше с такими вопросами к нему не лез. С исчезновением мамы Сашке казалось, что и папа стал другим. Чужим. Раньше Сашка барахтался в кровати родителей перед сном, или утром в выходные, то на маму залезет, то на папу. Папа его подбрасывал вверх, в шутку боролся с ним, а мама гладила его ножки, руки, спинку. А сейчас он все мило разговаривает с чужой тетей, мало обращая внимания на Сашку.

В выходные, или вечерами, когда Сашка видел, что его не замечают, уходил на улицу. И подходил к будке сапожника. Дверь в будку была всегда открыта, он здоровался, смело заходил внутрь и устраивался в углу на небольшом стульчике. Сапожник разрешал Сашке заходить в будку.

— Дедушка Коля, а у тебя мама есть?

— Нет, Сашок, нет. Умерла она, давно еще.

— А она у тебя хорошая была?

— Конечно, Сашок. У каждого мама самая хорошая.

— А у тебя сколько было мам?

— Как — сколько? У каждого человека должна быть... А-а, вот ты о чем. Как тебе сказать, Сашок? Жизнь, она, штука сложная. Всяко может быть.

— А вы знали мою маму? Ту, настоящую?

— Конечно, знал. Она сейчас в конце города живет. В домах двухэтажных, деревянных.

— Далеко?

— На автобусе надо ехать. За углом, на остановке он останавливается.

— А моя мама приедет? — Сашка смотрел на сапожника глазами, полными слез. Тот отложил в сторону женскую туфлю, откинул край фартука в сторону, прижал к себе Сашку. Что он мог сказать?

— Давай, я тебе лучше расскажу легенду.

И он рассказывал, как в древние-древние времена жили сильные богатыри, как спасали они от врагов свой народ. А Сашка спрашивал: «А у них матери были, у богатырей?»

Сапожник ничего не отвечал, смотрел на Сашку, думал о чем-то. Сашка, не дождавшись ответа, сам размышлял:

— А-а, умерли. А если мамы умирают, они могут вернуться?

— Нет. Никогда.

— А те матери, которые не умерли, но просто ушли, они же вернутся, да, дедушка Коля?

Но сапожник отводил взгляд, молчал. Сашка тряс дедушку Колю за рукав и со слезами на глазах, спрашивал: «Вернутся, ведь, правда?» Сапожник выдавливал из себя: «Может быть, сынок, может быть...».

Но сегодня, в выходной день, Сашке не терпелось узнать, нашел ли орленок свою мать, когда вылетел из гнезда и полетел.

— Дедушка Коля, здравствуйте!

— Привет, привет, мой помощничек. Проходи, рассказывай, что у тебя нового.

— А я, дедушка Коля, пришел услышать про орленка, как дальше было.

— А-а, про птенца. А на чем мы остановились? Вернее, ты расскажи, с самого начала.

— Ладно, расскажу. Жил орленок с мамой и папой. Еще братья были. И однажды в их гнездо забралась змея. И началась страшная битва. Орленок забился в угол, закрыл глаза, а когда все закончилось, оказалось, что в гнезде он один. Ни братьев нет, ни мамы с папой. Он ждал два дня. И все боялся, что змея снова появится. А потом он полетел, маму искать. Теперь вы расскажите, нашел ли он маму.

Дед отложил в сторону готовый ботинок, взял в руки второй.

— Нашел, конечно, нашел. Ведь он очень хотел увидеть свою маму. А кто сильно хочет...

— Здравствуй, Николай! — на пороге стояла толстая тетя с сумками в руках.

— А, Варвара, готовы твои сапожки, — Николай нашел на полке нужную пару обуви, подал.

— Ой, спасибо, куда только я их положу, все сумки забиты, — женщина задумчиво оглядела свои сумки.

— А тебе Сашок поможет. Да, Сашок? — Дед посмотрел на Сашку. — Поможешь обувь донести тете Варе?

Сашка кивнул утвердительно, взял сапожки.

— Ой, какой хороший мальчик. Это не Гальки сын?

— Да, ее. Сашка, — ответил Николай.

— А Петр, говорят, другую бабу привел. Эх, Сашка, Сашка. Ну, пойдем. До свидания, Николай. Спасибо за ремонт.

— Бывай. Носи на здоровье.

Эту тетю Сашка тоже знал. Он жила в другом подъезде Сашкиного дома. Квартира Варвары была на пятом этаже, преодолевая лестницы, тетя Варя тяжело дышала, что-то бормотала или припевала, непонятно. Дойдя до своей двери, она поставила сумки на пол, взяла из рук Сашки обувь, положила на сумки и стала искать в карманах ключи. Сашка повернулся, чтобы идти обратно, но женщина его остановила: «Подожди, подожди, не торопись». Она вытащила из кармана связку ключей с монетами, несколько монет протянула Сашке:

— Вот тебе на мороженое. Любишь мороженое?

Сашка взял деньги, на вопрос тети Вари ответил вопросом:

— А здесь хватит на автобус?

— На какой автобус?

— До конца города, где двухэтажные дома.

— Хватит, на автобус по городу хватит, хоть целый день катайся. На автобусе хочешь покататься? Ну, давай. Спасибо тебе, Сашка.

— До свидания, тетя Варя.

— Спасибо, сынок, до свидания, — тетя Варя проводила грустным взглядом убегающего вниз по лестнице Сашку, покачала головой и загремела ключами в замке металлической двери.

А Сашка бежал в квартиру, в свою комнату. Когда он открыл дверь, Нина Ивановна вышла из кухни, где они с Сашкиным отцом пили чай, пригласила и Сашку за стол. Но Сашка отказался, сказал:

— Мы с пацанами играем. Я за своим пистолетом, сейчас заберу и побегу обратно.

— Хорошо, только обед не пропусти, приходи.

Но Сашка не ответил, он был уже в своей комнате. Прикрыл за собой дверь и стал рыться в своих полках. Он искал не пистолет, он спрятал среди своих вещей шоколадку, хотел подарить маме, когда она придет. Но она долго не приходит, а шоколадка где-то затерялась. Он перерыл половину вещей, нашел, наконец, шоколадку, спрятал в карман, потом подумал, посмотрел на свою футболку, нашел рубашку и переоделся. И куртку надел другую, переложив монеты в ее карман. Закрыв аккуратно за собой двери, чтобы не шуметь, он бросился бежать вниз по лестнице.

Свернув за дом, он подошел к остановке, где стояли несколько человек. Он ездил несколько раз на городском автобусе, но, со взрослыми, а на этот раз он был один. Зашел за входящими пассажирами в салон, уселся на переднее сиденье. Он держал в кулачке монеты, которая дала тетя Варя. Двери автобуса закрылись, и машина поехала. Кондукторша прошла между рядами, обилечивая пассажиров. Подошла и к Сашке.

— Мальчик, а ты с кем едешь?

Сашка молча протянул руку кондуктору, разомкнул кулачок. На ладони лежали монеты.

— Ты один, что ли, едешь? — Она окинула взглядом салон, взяла несколько монет с ладони Сашки. — И куда тебе надо, мальчик?

— Я к маме еду. Она в конце города живет, где дома двухэтажные.

— А остановка какая? У нас там все дома двухэтажные.

— Где дома деревянные.

Женщина неодобрительно взглянула на Сашку, всучила ему в ладонь билет, прошла на свое место, уселась и обратилась к шоферу.

— Не понимаю, что за люди? Отпустили ребенка одного, а он даже остановки своей не знает. Говорит, в конец города надо.

— Но, значит, на конечной пусть и выходит, — ответил водитель.

Сашка сидел и смотрел в окно. За окном автобуса пробегали дома, на остановках кто-то выходил из автобуса, кто-то заходил. Сашка мотал головой, увидел дома двухэтажные, хотел было уже выходить, но кондуктор сказала: «Я скажу когда, на конечной тебе надо».

Когда автобус в конце маршрута развернулся и остановился, из салона стали выходить все пассажиры. Женщина — кондуктор обратилась к Сашке: «И тебе надо выходить, найдешь дом-то свой?»

— Найду, — неуверенно ответил Сашка.

Автобус посадил несколько человек и поехал обратно. На остановке остался стоять один Сашка. Он огляделся. Это был действительно край города, домов дальше не было, с правой стороны текла река, а

слева была большая гора со скалами, которая уходила высоко в небо. В сторону города, куда уехал автобус, стояли те самые деревянные двухэтажные дома. Сашке туда и надо. Он повеселел, улыбнулся и зашагал к ним. Перед этими большими домами было несколько маленьких домов, он прошел мимо них. В деревянном двухэтажном доме было два подъезда, он пошел в первый. Он знал, что в каждом подъезде за каждой дверью живет отдельная семья. В подъезде было четыре двери. Сашка постучался в первую. За дверью громко разговаривали. Когда дверь открылась, на пороге стоял большой дядька в майке.

— Тебе чего, мальчик?

— Я маму ищу.

Мужик захохотал, в коридоре появились еще два мужика. Один спросил: «Кто там?»

— Да вот, какой-то пацан.

— А что ему надо?

— А сейчас спросим хорошо. Рассказывай, пацан, потерялся, что ли? Ты где живешь-то, в какой квартире?

— Я в центре живу, я приехал на автобусе. Я маму ищу.

— Как, живешь в центре, а маму здесь ищешь? Потерялась, что ли?

— Да... нет... она уехала, она где-то здесь живет, в этих домах.

— Но у нас ее точно нет, твоей мамы. Так что, извини. Что за мама такая, детей бросает? — мужчины закрыли дверь.

Сашка постоял немного, постучался в соседнюю дверь. Дверь не открыли.

Не открыли и в двух остальных квартирах. Он пошел на второй этаж. Первой открыла дверь старушка в толстых очках. Она внимательно расспросила Сашку, завела в дом и напоила чаем.

— Женщины по имени Галя, как ты говоришь, твоей матери, в этом доме нет. Это точно. Тем более, как ты сказал, она уехала еще зимой. Во второй подъезд можешь даже не ходить. Я здесь всех знаю. Через дорогу есть еще один дом, такой же. Здесь я не уверена, но сходи, поспрашивай. А так я думаю, не надо ее искать, она сама тебя найдет. Ты еще маленький, а город большой, где ты ее найдешь. Лучше домой езжай, так же, на автобусе.

Но Сашка все же пошел к тому дому. Через час, когда закрылась перед Сашкой последняя дверь второго двухэтажного дома, надежда найти маму в этих домах, умерла. Двери открывали тети, дяди, мальчики, девочки, но никто не подтвердил, что у них живет Сашкина мама. А тети в двух квартирах уверенно сказали, что в последнее время никакие Галины в их дом не переезжали.

Сашка стоял на краю города, не зная, что делать. В небе слышались какие-то крики, он поднял голову. Высоко в небе летали две птицы. Вдруг Сашка понял, что это орленок, он нашел свою маму, и они теперь весело кружат в небе. Он долго смотрел на них, старался разглядеть, но они были слишком высоко. А что если... А может быть, и нет ее матери в этом городе, может, она тоже уехала далеко-далеко, и не может найти обратно дорогу?! Значит, надо к ней, найти ее! Как искал тот орленок, он ведь нашел

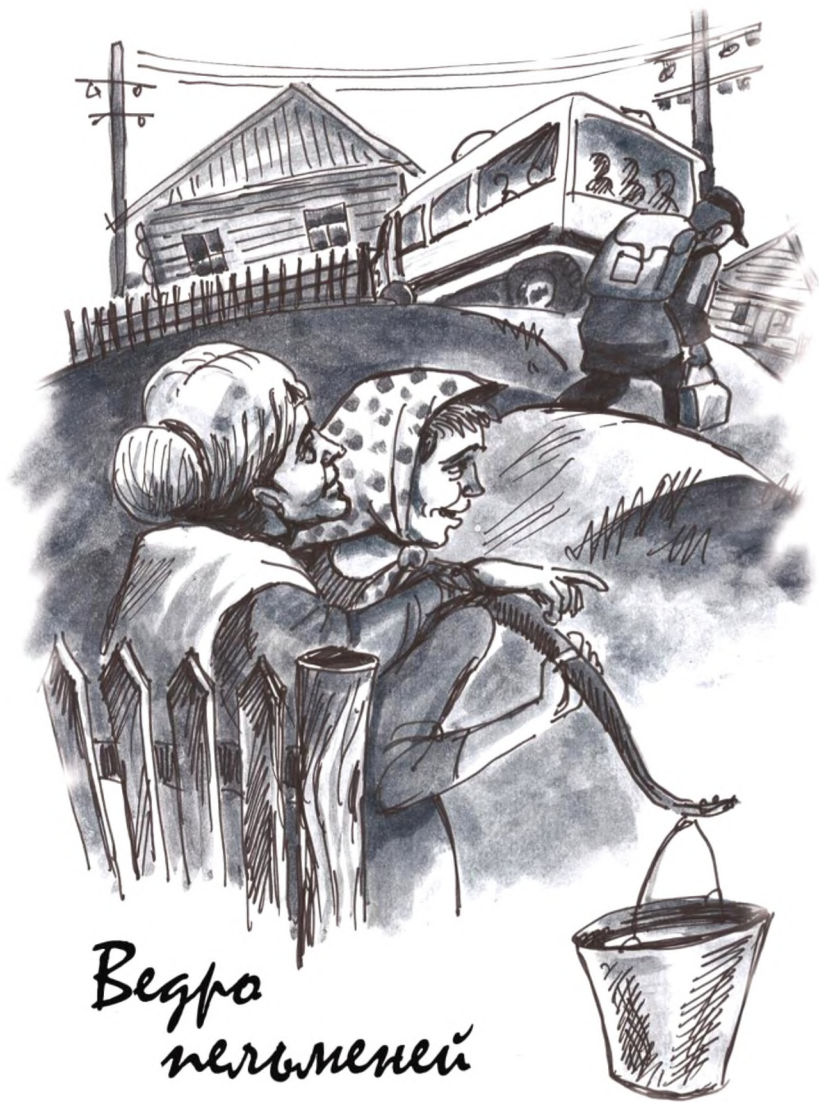
свою маму, когда к ней полетел. Надо только взобраться на высокую гору, как эта. И потом...

Сашка знал, что делать. Он быстро перешел дорогу и стал подниматься на гору. Он понял, что гору нужно обойти, с этой стороны крутая отвесная скала, нужно с другой стороны. Он быстро устал, но отдохнуть и не думал. Как об этом он сразу не догадался? Он шел, опираясь на колени, и бормотал: — Я такой же маленький, как тот орленок. Нет, я больше. А если такой маленький орленок нашел свою маму, я непременно найду... Только чуть-чуть осталось. И я так же буду рядом с мамой, как этот орленок, над моей головой. Теперь он с мамой. Я устал, но орленок, когда прыгнул из гнезда, и махал крыльями, устал еще больше. Но он долетел, он смог. И я смогу...

Конфетка на месте? На месте, это мамин подарок... Все, я почти на вершине.

Я не боюсь. Я прыгну. И полечу далеко-далеко...
К маме...

Всё
перемени

У Пантелея с Веркой дочь родила. Событие, в общем-то, не редкое, мало ли у кого дети рождаются. Но имелись некоторые детали.

Дочь училась в городе, на бухгалтера, в техникуме, только-только на второй курс перешла, замужем не была.

И эти детали, разумеется, меняют в целом привычную, безобидную, даже радостную картину.

Пантелей, отец студентки, работал бухгалтером в сельсовете, он-то и настоял, чтобы дочь пошла по его стопам. Он не хотел, чтобы дочь пошла по стопам матери, Верки: она работала уборщицей в столовой.

Родителей Оли, так зовут нашу студентку, так и звали в селе — Пантелей и Верка. Им было чуть больше сорока лет каждому, в селе не сказать, чтобы они сильно-то выделялись, но и в последних рядах тоже не были. Пантелей целыми днями пропадал в сельсовете, возился с бумагами. Односельчане к нему часто заходили, не только по работе, а о чем-нибудь спросить, или, попросить бумажку помочь написать в район или в город. Мало ли что людям надо, а Пантелей грамотный. И он старался всем помочь. А Верка до полудня была дома. С утра она возилась по хозяйству. Хозяйство у них было такое: корова с телятком, бычок, два поросенка, куры, огород. Затем она готовила обед, ждала Пантелея, они обедали и вместе уходили: Пантелей в сельсовет, а Верка в столовую. По праздникам они ходили по гостям, большой компанией могли и в клубе оказаться, на танцах. Возраст, конечно, уже не тот, но и не старые же совсем. Дочь у них была единственным

ребенком, училась хорошо, была прилежная, подолгу сидела над учебниками. На родительские собрания родители ходили вместе. «А чего я там пойму, идем вместе, — говорила Верка мужу, когда он просил ее одну сходить. — Ты же у нас в семье грамотный». И Пантелей с важным видом шел с женой в школу, садился на передние ряды и во время собраний задавал умные вопросы.

Таким образом, можно сказать, было у них в семье, как говорят, «все, как у людей». До того дня, как узнали они эту новость.

Было начало сентября. Верка копалась в огороде, когда к дому подъехала какая-то машина. Хозяйка вышла навстречу. Из машины выскочила молоденькая девушка, подбежала к Верке.

— Здравствуйте, вы, наверное, мама Оли?

— Да, а что случилось?

— Да ничего. Я с Олей вместе учусь, в одной группе. Она записку передала. Я домой приезжала, завтра уеду. Вот записка, здесь адрес.

— Какой адрес?

— Где она живет.

— Так Оля же в общежитии живет.

— А теперь на квартире. Снимают они квартиру.

— Кто... они?

— Но... Оля с Колей, с парнем ее. Когда у них сын родился, они квартиру стали снимать.

— Как... родился? — у Верки пошатнулись ноги, она скорее присела на лавочку.

— А вы не знали? И она мне ничего не сказала, только вот записку с адресом... Но я поеду, брата попросила свозить, я в соседнем селе живу.

Девушка пошла к машине, обернулась, чтобы попрощаться, но Верка сидела, как каменная, смотрела вниз, в одну точку. Девушка пожалала плечами, ничего не сказала.

Машина уехала, а Верка еще долго сидела, потом медленно пошла к дому. Присела на крыльцо, так там и сидела, пока не появился Пантелей, на обед пришел. Он сразу понял, что случилось что-то не рядовое.

— Вер, что случилось?

Верка ничего не ответила, вспомнила про записку, осмотрелась вокруг себя, подняла бумажку с земли, подала Пантелею. Тот взял записку, напряженно посмотрел на Верку, распрямил кусочек бумаги, прочитал, повертел, посмотрел на другой стороне, еще раз пробежал глазами по ней.

— Но и что? Какой-то адрес.

— Ольгин адрес.

— Так она же в общежитии.

— Она тебе звонила?

— Да. Но когда... С месяц, наверное. Практика заканчивается, скоро занятия. И еще раньше, что летом не приедет, у них практика. Так что случилось-то?

— Так ты ничего не знал, она ничего не сказала?

— Да не томи ты меня, что случилось?

— Ребенка он родила...

— Что-о?! Сдурела!

Пантелей сплюнул, скомкал бумажку в руке, выбросил в сторону, резко скинул куртку с себя, бросил на землю, стал вышагивать перед женой и изрыгать проклятья:

— Дура! Учится ее отправили! А она! Все, в дом, за порог — ни ногой! Не нужна мне такая дочь!

Он быстро прошел к уличному умывальнику, стал плескать из рукомойника воду на лицо. Забежал в дом, с полотенцем выбежал, утираясь, набросился на жену: «Это все вы, бабья порода!»

— Что мы? — перешла в крик и Верка. — Ты же сам ее в город отправил!

— Зачем отправил? Учиться! А она? Стыд-то какой, что люди теперь скажут! Что у меня дочь...

Пантелей забежал домой, громко хлопнув дверью. Но все равно можно было расслышать, как он кричал: «Я ей денег, сколько попросит, а она! Все!.. больше сюда ни ногой!».

... Прошло два месяца. Под Ноябрьские праздники, как почти всегда и бывало, выпал снег, а наутро ударил мороз. На праздниках три дня отдыха. И время всем колоть свиней и покрупнее чего, чтобы зиму голодными не сидеть.

Пантелей сходил к соседу, Петру. Договорился, чтобы он помог заколоть бычка. Петр работал трактористом. А заодно помогал в такие дни «интеллигентам», как он говорил. Их он презирал, но выпить был не дурак, и с удовольствием на такие дела соглашался.

Петр пришел со своим топором в одной руке, а в другой с сумкой тряпичной, а в ней были нож и брусок. Сумка была большая и крепкая. А как? После завершения работы начнут хозяева искать, во что бы мяса положить, а он — вот, сюда, мол. Пантелей с Веркой усадили его за стол, Пантелей налил, чего полагается, по стопочке себе и Варьке, Петру в стакан, чуть меньше половины. Петр недовольно посмотрел на содержимое стакана, одним движением

опрокинул в рот водку, взял кусочек хлеба, занюхал и положил обратно.

— Ну, за дело. — И вышел.

Усевшись на крыльцо, он стал точить свой нож, рассказывая:

— Я всегда его с собой ношу на такие дела. А то придешь к кому-нибудь, голым, без инструмента, а у него и ножа-то нормального нет. Хлеба и то не нарежешь. А с плохим инструментом и ты провозишься, и животное мучается. И топор с собой беру. А то как-то у Семки, лет пять назад, кололи корову, я размахнулся, а топор-то его был плохо насажен, вылетел, только черенок у меня в руке и остался, я черенком по корове... После этого всегда свой топор беру. Вишь, он у меня как кувалда, тяжелый. От деда достался. Теперь таких не делают. Видел я у тебя топор, это разве топор. Да и незачем тебе другой. Ты в конторе сидишь, перебираешь бумажки, тяжелее ручки ничего не поднимаешь. Так, нет?

Пантелей виновато соглашался, поддакивал, готовил кастрюли, миски.

... Почти весь день провозились они с бычком; пока освежевали, пока тушу разделали, мясо перетаскали, Петьку угощали, слушали его. Вечером была баня...

А на следующий день Пантелей с Веркой стряпали пельмени. Они всегда так делали, когда готовили мясо на зиму. Настряпают пельмени, заморозят, в ведра эмалированные сложат, и всю зиму едят. Гости придут неожиданно, а пельмени под рукой. Удобно, быстро, сытно и вкусно.

Уже на третий день, когда в эмалированные ведра складывали мороженые пельмени, Пантелей нашел большой пакет и стал в него пересыпать пельмени. Потом принес из сени рюкзака, положил в него пакет. Верка удивленно посмотрела на мужа. Он уловил взгляд Верки, подошел к шифоньеру, открыл дверь, стал перебирать одежду.

— В город поеду.

Верка ничего не ответила, посидела, потом вскочила, оделась и вышла. Через некоторое время зашла, в руках у нее было соленое сало, большой кусок мороженого мяса. Она положила около рюкзака.

— Войдет, нет?

— Да можно и отдельно, в сумку.

— А завтра же на работу тебе?

— А я отпросился, на два дня.

— Значит, знал, что поедешь.

— Знал... А как не ехать... Надо. Вроде, ты говорила, сын?

— Да, сын.

— Значит, внук. Как зовут-то?

— Да откуда я знаю. Она же тебе звонит, в контору. Вернее, так и не звонила... в последнее время. Мы же всё ждали, что позвонит.

— Не звонила. И не будет звонить. Гордая, в нашу породу. А как зовут, какая разница. Человек...

— А ты же не знаешь адреса, бумажка-то потерялась.

— А я запомнил. У меня память хорошая. Советская, 11.

Через полчаса Пантелей быстро шел по дороге. Он направлялся в сторону остановки. Автобус вы-

едет из села в час тридцать, а в городе он будет в восемь-девять часов вечера. И рюкзак, и сумка в руке Тимофея были тяжелыми, но шагал он бодро, под ногами скрипел еще не совсем слежавшийся снег, а на душе у него было светло и радостно.

А Верка все смотрела вслед удаляющемуся мужу, и тоже улыбалась.

Вышла соседка, Клавка, с ведрами и коромыслом. Посмотрела на Верку, поздоровалась. Кинула взгляд на дорогу, вслед Пантелею.

— Куда мужа провожаешь, в город?

— В город, Клавка, в город. Ольга в городе сына родила, радость-то какая!..

Подарок

«Любимой мамочки от дочи Светки» — старательно вывела девочка внизу тетрадного листка. Работа была закончена. Теперь осталось подождать маму.

Она сегодня со школы пришла рано. Последнего урока не было, их отпустили, и она сразу пошла домой. Почему-то сегодня ей хотелось, чтобы мама была дома. Но дом был на замке. На завалинке, под плоским камнем она нашла ключ, обмотанный веревочкой, долго вставляла его в большой замок, открыла дверь. Небольшой домик, в котором они жили с мамой, находился на самом краю села, около речки. Ограды вокруг дома не было, сараюшек и разных построек, как у соседей, также не было. Только покосившийся туалет, чуть поодаль.

Училась девочка во втором классе. Учиться ей нравилось, только она стеснялась своих рваных колготок. На коленках появлялись дырки, мама их штопала, но через несколько дней дырки появлялись снова. Поэтому она усаживалась на свою парту в предпоследнем ряду и не выходила из класса даже на переменах. Другие девочки с шумом выбегали на улицу, бегали, прыгали, а Светка сидела, делала вид, что читает и с завистью поглядывала на улицу в окно. А на уроке, когда учительница спросит, кто хочет выйти к доске, она вскинет было руку вверх, но тут вспомнит про свои колготки, сразу руку и опустит. Если она выйдет к доске, пацаны с первых парт начнут показывать на ее ноги и будут корчить рожи. А на перемене будут смеяться. И девочки к ней тоже особо не подходили. Была у неё подружка,

Варька, так она со второго класса других подружек нашла. И осталась Светка одна. Поэтому сегодня, когда их рано отпустили, она торопилась домой, а девчонки и мальчишки, собираясь кучками, расходились кто куда. Светка аккуратно положила в сумку листок, на котором она на уроке рисования нарисовала большой цветок. Альбома у неё не было, учительница замечала, что она сидит и не рисует, приносила ей лист бумаги, говорила: «Альбом бы надо купить». Но сегодня она ничего не сказала.

Рисуя цветок, Светка вспомнила, как они с мамой когда-то гуляли за речкой; ей было, может, три, может, четыре года. Мама высоко подбрасывала ее к небу, она визжала; потом они играли в догонялки, валялись на земле, среди красивых цветов. Из них они собрали большой букет, принесли домой и поставили в банку с водой. Мама испекла пироги, они ужинали, смялись...

В доме было прохладно. Светка хотела затопить печку — мама ее научила, как топить, — но дров около печки не было. На улице наколотых дров тоже не было. Она решила наколоть. Взяла топор из дому, подошла к чурке и попыталась отколоть от нее поленья. Но сил не хватало. Приподняв топор, она опускала его на чурку, но это делать нужно было с силой, которой у нее не было. Она еще немного помучилась и понесла топор обратно. Взяла ведро и пошла к речке — за водой. К речке она ходила с удовольствием. Иногда там и застрянет: то цветы начнет разглядывать, то мелких рыбешек в воде. Но сегодня она торопилась. Принесла воды

полведра, вскипятила чай. В шкафу она нашла сухари, сахар, налила в чашку чай, обмакивала сухари в чашку с чаем, потом в чашку с сахаром — и в рот.

Сухари попеременно с сахаром хрустели в зубах, она запивала все это горячим чаем. Она поела.

Убрал быстро посуду со стола, вытерев его тряпкой, она выложила на стол лист бумаги, который она принесла из школы. Стала рассматривать свой рисунок. Под рисунком стояла цифра пять. Она всегда по рисованию получала пятерки. Вот только альбом бы купить. Она перевернула листок. Она знала, что будет делать и как. Светка немного посидела, обдумывала. Это будет букет цветов. Но не рисованный. Она знала, как это будет. Нужны: краски, ножницы, листочки бумаги, клей. Светка все это нашла, разложила на краю стола. Налила в чашку воды — это для акварельных красок.

И началась работа. На старом тетрадном листочке она рисовала листья, лепестки цветка, стебельки. Вырезала ножницами, разукрашивала разными цветами. Дав высохнуть, она их склеивала, лепесток к лепестку, некоторые, приклеив с одного края, сворачивала в трубочку, склеивала с другого края, получались объемные части цветов. Если что-то Светке не нравилось, она отрывала, приклеивала новые листочки, прилаживала стебельки один к одному. Медленно, но работа продвигалась. Уже и солнце осеннее скрылось за горами, стало темнеть. Она включила свет, работа продолжалась. Светка торопилась. Она хотела успеть до прихода мамы. Она не знала, когда она придет и придет ли.

Наконец работа была закончена. Светка приподняла листок, он был уже объемным, тяжелым. Прислонила к чайнику, отошла, начала смотреть. Букет цветов получился как настоящий. Стебли, на которых располагались листочки, переплетаясь друг с другом, уходили вверх, а наверху — цветы. Они были пышные, красивые, разной окраски и размера. Цветы были объемными, издали они были как настоящие. Светка стояла и любовалась.

Дверь открылась резко и со скрипом. Она всегда скрипела, когда ее открывали.

— Тебе сколько раз повторять, чтобы ты окно закрывала? Не можешь даже шторы задвинуть!

За дверью стояла женщина. Она наклонилась, чтобы войти в дом — двери были низкими, — но, не удержав равновесия, распласталась на пороге: голова и туловище оказались в доме, а ноги на улице. Громко матерясь, она, шатаясь, встала на ноги. Лицо ее было опухшим, волосы клочьями раскидались на голове, платок сполз на плечи. Она была сильно пьяна. Это была ее мама.

Светка бросилась было к маме, закрыв за ней дверь, но мама грубо оттолкнула ее и, не снимая куртку, плюхнулась на стул.

— Почему в доме холодно, почему печку не топишь?

— Мама, я хотела затопить, но дров не было, а наколоть я не смогла.

— Не смогла она... А что ты вообще можешь, сидишь на моей шее.

Мама стянула с себя куртку, бросила на пол. Она даже сидя шаталась.

— Что жрать сготовила?

— Ничего, я чай попила.

— Чай она попила. А о матери подумала? Не можешь даже картошку пожарить!

— Картошка кончилась, я хотела.

— Сходила бы к Петькиным, полведра Манька бы дала.

— Так я у них брала уже, неудобно снова идти просить. Мама, а где ты была?

— Не твое дело! Где была, там и была!

Мама стянула с себя платок, смахнула на пол.

Светка подняла платок и куртку с пола, повесила их, подошла к маме, улыбнулась.

— Мама, я тебе подарок приготовила.

Женщина ничего не отвечала. Облокотившись руками о голову, она бессмысленно поглядывала по сторонам, что-то бормотала. Светка не расслышала.

— Мы в школе цветы рисовали, а потом я решила тебе подарок сделать. Помнишь, когда я была маленькая, мы цветы собирали, и собрали большой-большой букет. Так вот я такой букет сделала, смотри.

Светка показала на чайник, к которому был прислонен ее подарок. Мама кинула взгляд туда, куда показала дочь. Вдруг глаза мамы стали злыми, она вскочила, схватила этот лист бумаги, скомкала, разорвала и бросила на пол. Сама, шатаясь, снова что-то выговаривая непонятное, пошла к койке. Рухнула на нее и осталась так и лежать.

Светка подбежала к остаткам маминого подарка, подняла и стала разглаживать эти листочки. Нашла на полу и несколько стебельков и лепестков

от цветов. Разложила их на столе и долго над ними колдовала. Потом подошла к кровати. Мама как упала, так и лежала. Светка стянула с нее обувь, попыталась было одежду снять, но убедившись, что не получается, кое-как вытащила из-под нее одеяло. Оно было большим, они обе уместались под этим одеялом. Спали они вместе: кровать была одна. Светка пододвинула к кровати стул, поставила на него чайник: знала, что мама будет ночью воду просить. Потом крепко прижалась к маме, чтобы согреться, и уснула...

Наступило утро. Женщина на кровати зашевелилась, откинула одеяло, приподнялась, схватила чайник и жадно стала пить воду из горлышка. Потом, чуть не падая, нашла обувь, накинула куртку, взяла топор и пошла на улицу. Через некоторое время принесла несколько поленьев и стала растапливать печку. Нашла между печкой и стеной обрывок газеты, на растопку. Но бумаги было мало. Женщина пошла по дому, взгляд остановился на листе бумаги, лежащей на столе. На листочке еще были какие-то кусочки бумаг разных цветов. Она скомкала этот листок, положила между поленьями, набросала несколько лучинок, сверху наложила еще поленьев, поднесла к бумаге зажженную спичку. Бумага нехотя, но разгорелась. Пламя охватило всю бумагу, выростало, поджигая и лучинки. Женщина пока не закрывала дверцу печки, ждала, чтобы огонь разгорелся.

Газетный обрывок сгорел почти полностью, а листок со стола еще горел. Вдруг он стал выпрямляться, и из огня появились красивые цветы. Но

пламя их быстро пожирало, лепесток за лепестком. Женщина заворожено на них смотрела. И как будто что-то вспомнив, начала раскидывать верхние поленья, стала тушить голыми руками огонь, скинула остатки бумаги на пол, прихлопывая еще не потухшие остатки огня на остатках бумаги. Но это был уже пепел, почти ничего не осталось...

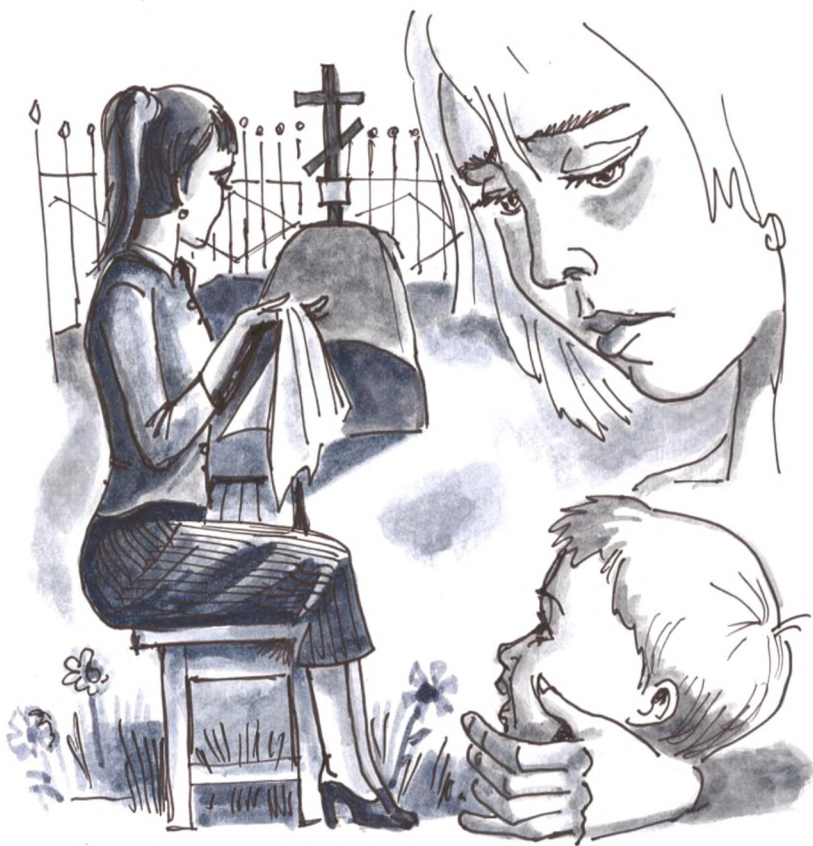
Огонь в печке потух, а у печки сидела женщина, наклонившись над остатками обуглившихся листочков бумаги, вперемежку с печной золой. И на них падали капли: слезы...

Несгоревшим остался только кусочек бумаги, на котором можно было разобрать: «Любимой мамоч»...

Вы прочитали рассказ «Подарок». Возможно, многие его уже читали, он был помещен в один из предыдущих сборников. На одной из встреч с читателями я прочитал его. Девочка по имени Света своими руками делает подарок своей маме. Но она не замечает подарка дочери, она пьяна...

Я предложил читателям придумать продолжение этого рассказа и к концу встречи рассказать, как сложится, по их мнению, жизнь Светланы через несколько лет. Читатели предлагали разные варианты. А я обещал изложить свою версию. Что и делаю. А чтобы было понятно, о чем была речь, включил в этот сборник и рассказ «Подарок».

Подарок.

Спустя годы.

— Светлана Васильевна, больного привезли, тяжелого.

В дверях кабинета главврача стояла молоденькая худенькая девушка, медсестра, во все белом. И головной убор, и халат. Халат был немного мешковат.

— Сейчас иду, Татьяна, — Светлана Васильевна отложила бумаги, встала, подошла к раковине. Быстро помыв руки, поспешила за медсестрой.

На полу, на носилках, лежал молодой парень. Лицо его было бледным, глаза закрыты, он был без сознания. Светлана Васильевна осмотрела лицо парня, глаза его, приоткрыв веки, освободила рукава рубашки, оголила локти. На месте сгиба локтей виднелись синие пятна и маленькие темные точки. Врач прощупала пульс. Потом резко выпрямилась.

— Быстро в операционную. Бригаду тоже, пусть подключают к системе. Я сейчас.

Через пару минут она торопливо подходила к операционной. Но ее встретила медсестра.

— Светлана Васильевна, всё...

Светлана Васильевна замедлила шаги, ничего не ответила, прошла в операционную. Около лежащего на операционном столе парня стояли двое мужчин, врачей, с марлевыми масками на лице. Один из них снял маску: «Привезли поздно». Светлана Васильевна мельком глянула на светящийся экран монитора, прикоснулась к руке парня, где обычно проверяют пульс. Видимо, это было лишним, но аппаратура есть аппаратура, а вдруг... Потом сказала: «Звоните, пусть увозят». Потом обратилась к Татьяне: «Откуда привезли-то?»

— С улицы Лесной.

— Ясно, — ответила Светлана Васильевна и устало пошла в свой кабинет. Через некоторое время она говорила по телефону.

— Да, соедините меня с начальником... Привет, майор Привалов. Как жизнь молодая?

— Здравствуйте. Простите, не узнаю.

— А как же. Такой большой начальник. Ладно, Света я, Коля. Лыкина.

— А-а, Светка. Ну, привет. Да кого, за день столько голосов, скоро и свой голос не узнаешь. Да и не видел тебя давно. Как ты, рассказывай.

— Да чего рассказывать. Жаловаться тебе звоню. Сегодня парня привезли. С Лесной. Без сознания был, но еще живой. А в операционной скончался, сердце остановилось. Парень-то совсем молодой. Весь уколотый. Видимо, передоза. Сделайте что-нибудь с этой Лесной.

— Ох, Светка, Светка. Думаешь, мы сидим? Каждый день облавы делаем. Но что одни мы сделаем? Это же со школы...

— Ладно, понятно. Ты, то есть милиция, или как вас там, полиция, на школу кивает, школа на семью, семья на власти, власти на тебя, милицию...полицию... Круг замкнулся.

— А у нас ведь, Светка, не только наркоманы. Как получается-то. Пьяные на машинах гоняют — мы виноваты, вечерами молодежь хулиганит — мы виноваты, у какой-нибудь бабушки курица пропала — опять мы виноваты. А попробуй слово сказать, так сразу отвечают, как и ты: нечего на других кивать, свою работу выполняйте. А мы и выполняем, куда

нам деваться. Да ладно об этом. Как у тебя-то, дома, в больнице?

— Да ничего, лечим. Проблем хватает, да что тебе о них говорить. У тебя своих, вон, выше крыши, сам говоришь.

— Как мама-то? Она же болела у тебя сильно?

— Болела. И в городе в больнице лежала. Да сейчас вроде ничего.

— Да хоть не пьет.

— Да, уже лет пять. Зато болезни стали понимать.

— А как без этого. Сказывается же. Тебя бы рядом не было, и ее бы давно... Ты, вон, полжизни отдала ей. И до сих пор сама одна, никакой жизни личной. Нам уже по тридцать пять, недавно день рождения справил. Ты молодец, думаю, благодаря тебе и бросила мать пить. А сколько времени понадобилось. Чтобы одного человека остановить от этой напасти. А у нас целый район.

— Ладно, Коля, лучше о себе расскажи. Как дети?

— Да все вроде нормально. Растут. Такие же хулиганы, какими и мы были.

— Из наших кого встречаешь?

— Да не особо. Витька, знаешь, шоферит. Валька у тебя санитаркой работает.

— Да.

— Ванька с Петькой померли, сама знаешь. Остальные разъехались.

— Время идет... Но, хоть поговорили. Пока, удачи тебе, майор Привалов.

— И тебе, Светлана Васильевна. Если что обращайся. До свидания.

Через некоторое время в дверях снова появилась медсестра, Татьяна.

— Светлана Васильевна, тут... когда парня увезли, я позже заметила, фотография на полу осталась. Наверно выпала, когда документы искали.

— Да пусть отнесут, или сама отнеси.

— Да, ... только... там фамилия...

— Что — фамилия?

— Там... ваша фамилия... вернее, такая же, как ваша. Вот, сами посмотрите.

Девушка подала фото. Эта была небольшая выдавшая виды фотография.

Светлана Васильевна взяла фотографию, долго рассматривала, с одной стороны, с другой. Там было что-то написано. Прочитала. Вспомнила про медсестру, сказала:

— Ты...иди, Татьяна, иди, я сама отнесу. Иди.

Когда медсестра вышла, Светлана Васильевна снова внимательно рассмотрела это старое фото. На фото были три парня, вернее, мальчишки. Лет по четырнадцать — пятнадцать. А на обороте подписано: «Я, Колька Лыкин и мои друзья. Петька Тилин справа от меня и Ванька Петухов слева». И чуть ниже: «Детдом № 5».

Светлана Васильевна отложила фото, подошла к раковине, пустила холодную воду и стала ополаскивать лицо. Вернулась к столу, снова взяла в руку фото. Да, сомнений не было, парень, который умер час назад в операционной, был на фото тем, кто стоял посередине. Не узнать его было нельзя. На

фото он широко улыбался, обняв своих друзей. И фамилия его была Лыкин. У Светланы Васильевны тоже была эта фамилия. Она вспомнила, как прикрутили в первый раз к двери ее кабинета табличку «Главный врач Лыпина Светлана Васильевна». «Не Лыпина я, а Лыкина» — отчитывала она завхоза. «Да, ошибся», — виновато отвечал тот. — «Фамилия-то редкая, грех не ошибиться».

Светлана Васильевна думала. Родственников у нее не было, кроме матери. Да и других людей с такой фамилией она не встречала. Действительно, редкая фамилия. Может, и есть в городе люди с такой фамилией. Она переехала сюда пять лет назад, когда перевели ее из районной больницы. Сперва начмедом, а теперь уже два года, как она главный врач. Надо бы сходить в детский дом. Она знала, где он находится, через пару кварталов.

Дверь в кабинет резко открылась. Даже без стука. Это была Татьяна.

— Светлана Васильевна, авария на трассе! Скорая выехала, двое тяжелых.

— Готовь бригаду, я сейчас.

Светлана Васильевна выдвинула ящик стола, положила туда фото, встала и снова пошла к раковине. Предстоял напряженный день.

Но напряженным оказался не только этот день. И следующий, и еще. Как там, на дороге получилось, она не знает детали, да и не ее это дело. Столкнулись две машины. Грузовая и легковая. В грузовой машине никто не пострадал. А в легковой пострадали мужчина и женщина. Мужчина был за рулем, женщина рядом.

Женщина без сознания, с переломами и повреждениями. У мужчины тоже переломы руки и ребер. Так вот эти несколько дней врачам пришлось бороться за жизни и здоровье этих людей. Операционная, реанимационная (куда пришлось женщину помещать), анализы, назначения, перевязки...

И только дней через пять, обнаружив в ящике стола ту самую фотографию, Светлана Васильевна снова рассматривала ее. Потом положила в сумку, оделась и вышла.

Детский дом находился в старом одноэтажном помещении. Светлана Васильевна здесь ни разу не была. Охрана, в лице бабушки, спросив кто нужен, показала, где находится кабинет директора.

— Здравствуйте, можно к вам? — постучалась и приоткрыла дверь Светлана Васильевна.

— Конечно, заходите... Светлана Васильевна, заходите, заходите. Я вас узнала.

— А я к своему стыду, не знаю вас. Но лицо знакомое.

— Так нас же много, а вы одна. Вы аппендицит вырезали моему сыну. Года полтора назад. Метелкин фамилия. Миша Метелкин.

— Помню, конечно. Как он сейчас, в каком классе?

— Да ничего, в девятом. Как у вас дела, с чем-то пришли к нам?

Светлана Васильевна не ответила, достала фотографию, подала заведующей.

— Парни какие-то... — Заведующая повертела в руках фото. — Фамилии, имена. Значит, они росли у

нас. Я, Светлана Васильевна, здесь недавно работаю, года два, раньше в школе работала. Я сейчас бабу Дуню позову, она всю жизнь здесь работает.

Баба Дуня, которая встретила Светлану Васильевну при входе в помещение, внимательно рассмотрела фотографию. Потом заговорила:

— Да, наши. Да, в середине Колька, Лыкин Колька. Рисовал здорово. Знаю, что в армии был, потом его не видела, не знаю. Петька, как его фамилия... Тилин? Да, Тилин, хулиган был хороший. После детдома в училище учился, работал на стройке, там и разбился, упал с высоты. А о Ваньке Петухове и не слышала, где он, что он, не знаю.

Светлана Васильевна спросила: «Скажите, а как они попадали к вам, то есть сюда, в детдом?»

— Да по-разному попадают. Кто без родителей остался, без родственников, а у кого родители есть, но пьющие. Лишают прав, и сюда... По-разному, по-разному... Пойду я, на вахту...

Когда Светлана Васильевна выходила, баба Дуня вышла за ней на улицу.

— Я вспомнила. Если интересно, послушайте.

— Да, конечно.

— Вы пришли, потому что с Колей у вас фамилии одинаковые. Я это сразу поняла. Заходил он к нам после армии, красивый такой, статный. Больше я его не видела, не слышала. А появился он у нас так. Он подкидыш. Это редкость, но бывает. Сколько работаю здесь, их, подкидышей, три было. Поэтому и помню. Две девочки и пацан. Как раз этот Колька. Ночью подкинули. Утром рано кто-то услышал плач детский. Так он у нас оказался.

— А подкидывают кто?

— Кто, кто. Матери. Или сами совсем девчонки, или пьющие, какие-нибудь.

— А мальчика, фамилия откуда?

— Так написано было. Записка. Как зовут, когда родился.

— А документов не было, никаких?

— Нет, не было. Только записка. Конечно, шум-гам, начали разбираться. В милицию там, в роддом, в собес. Не нашли родителей. Потом мы решили, что он не в роддоме родился. Кто-то где-то родил, то есть родила, и подкинула к нам. Но что еще. Несколько дней назад к нам женщина приходила. Про Кольку спрашивала.

— Да? И как она выглядела?

— Пожилая, лет шестьдесят на вид, а может, и моложе. Но волосы седые уже.

— Что ей надо было?

— Да ничего, просто спросила и ушла. Я рассказала, что знала про Колю. Она о себе ничего не сказала.

— Ой, я забыла поподробнее узнать, когда он родился, отчество... Не буду возвращаться, в следующий раз зайду.

— Да я разузнаю все, заходите.

— Спасибо вам, до свидания.

Вечером Светлана Васильевна хотела все рассказать матери, но что-то ее остановило. Только отыскала в альбоме фотографию матери и положила в сумку.

А через несколько дней она снова пришла в детский дом и встретилась с бабой Дуней. Показала фотографию матери.

— Да, это она. Сомнений нет, она.

— А вы раньше ее видели?

— Нет, не видела. Может, приехала откуда. Она о себе ничего не рассказывала. Вот, на этом листочке все про него. Я все выписала. Когда родился, и так далее.

— Ой, большое спасибо вам, баба Дуня.

— Да не за что. Удачи вам.

После работы она торопилась домой. Она все сейчас выложит матери, поговорит с ней, может быть, откроется мама хоть сейчас, ведь она ничего, никогда не говорила... Хотя... Светлана Васильевна вспомнила, как часто в пьяном угаре мама все про какого-то Кольку вспоминала. Но тогда она злилась на маму, думала, об очередном ухажере бредит...

Но вечером разговор не состоялся. Мамы дома не было. Не было и всю ночь. На работе Светлана Васильевна позвонила двум знакомым, хотя знала, что к ним вряд ли мама пойдет. Это были не мамины знакомые, а ее, но мама про них знала. Позвонила в деревню. Нет, не видели. Больше некому было звонить. Мама все время, как переехали в город, сидела дома, готовила еду для дочери, утром провожала на работу, вечером встречала. Сделав еще несколько звонков, куда звонят, когда теряется человек, не получив никакой весточки о матери, Светлана Васильевна не находила себе места. Она не сомкнула глаз и во вторую ночь.

Утром позвонил Николай, из милиции.

— Не появилась?

— Нет, Коля, нет. Не знаю, что и думать.

И вдруг ее осенила мысль.

— Слушай, Коля, нужно твоя помощь.

— Какой разговор, говори.

— Приезжай, съездим в одно место.

Мысль была такая. Нужно ехать на улицу Лесную, среди этих наркоманов разузнать, что они знают о Николае Лыкине. Возможно, и мама знала, что там находится ее сын. В том, что этот Коля Лыкин — сын матери, и, получается, ее брат, Светлана Васильевна нисколько не сомневалась. Все эти дни она размышляла, сопоставляла даты и факты, вспоминала, что происходило тогда. Это после пропажи матери она вспомнила, как была не своя ее мама в те дни, когда умер в больнице Колька. В год рождения Кольки Светлана училась в Барнауле, как-то в разговоре по телефону мама спросила, не хочет ли она брата или сестренку. Все как бы в шутку, но потом это забылось. Все это она рассказала Николаю, когда он подъехал к больнице. Он не удивился, подумал, сказал:

— Понятно. Тетка, значит. Сделаем так. Мне туда соваться не стоит, никто ничего не скажет. Меня все знают. Но я найду человека, он все разузнает. Давай я сейчас позвоню кое-куда, и скажу тебе.

Николай вышел из кабинета. Примерно через полчаса он появился.

— Ты работай. Будь у телефона. Если что, я позвоню с работы.

К вечеру он действительно позвонил.

— Сейчас к тебе придет человек, поговори с ним.

Когда в кабинете появился незнакомый человек, Светлана Васильевна начала размышлять, наркоман

это или нет. Просто привычка. Однако сходу не удалось определить точно. Обычно она безошибочно это делала, но на этот раз затруднилась.

Светлана Васильевна без лишних слов показала ему две фотографии. Своей матери, и тот, детдомовский.

Незнакомец только бегло просмотрел фотографии, начал говорить, быстро и уверенно. Видимо, Николай ему все подробно рассказал.

— Хороший парень. Он появился у нас недавно, говорил, что работал на Севере. Потом остался без работы. Он уже был хорошо подсевший на иглу. Да, он рассказывал, что жил здесь, рос в детдоме. И как-то на днях он встретил мать. Он привел, показывал нам. Да, это она на фотографии. Но потом они разругались. Она хотела его вылечить, а он не хотел. А потом он вколол себе три дозы. Толи специально, толи по ошибке... Хотя, вряд ли. Он жить не хотел, говорил об этом. На похоронах его мама была.

— Это была моя мама... и мой брат.

— Я понял. Вывески на дверях читаю. Но у меня все, я пойду.

— А мама потерялась. Сколько дней уже нет. У вас она больше не появлялась?

— Нет, не появлялась. До свидания.

— Спасибо вам. До свидания.... Ой. А вы можете могилку на кладбище показать?

— Да, конечно. А когда?

— Да хоть сейчас.

Могила Кольки представляла собой бугорок, огороженный штакетной оградкой, с крестом из деревянных брусков. На небольшой дощечке были

написаны фломастером фамилия, имя, отчество, дата рождения и смерти. На фоне солидных могил с металлическими оградками, гранитными памятниками и цветочными венками могилка Кольки смотрелась убого и сиротливо.

Светлана Васильевна молча смотрела на бугорок, деревянный крест.

— Я пойду, — сказал незнакомец.

— Ой, да, конечно, — Светлана Васильевна как бы очнулась, посмотрела на мужчину. Сомнения, которые были у нее в кабинете, рассеялись. — Спасибо, что помогли. Я сейчас распоряжусь, чтобы вас довезли... И еще. Я могу вас вылечить... Если хотите, конечно.

— Да нет, я пешком. Не привык, знаете ли. А помог я вам так, без ожидания поощрений. Прощайте.

Мужчина ушел, а Светлана Васильевна еще долго стояла у могилки.

Майор Николай Привалов, начальник милиции, поднял всю милицию, всех своих знакомых и незнакомых помощников, осведомителей, чтобы найти маму Светланы Васильевны. Но все тщетно. Она не нашлась и через неделю, и через месяц, и через два. Потихоньку поиски прекратились.

Все это время Светлана Васильевна была как в тумане. Какие только мысли не лезли в ее голову...

Осенью, когда трава уже пожелтела и листья шуршали под ногами, она пошла на кладбище. К той могилке, могилке Кольки, у которой стояла, надо полагать, и ее мама. Деревянные оградка и крест успели потемнеть от дождя, а бугорок уже немного зарос травой.

Вдруг она увидела белый лоскуток. Она его не заметила сразу, за крестом с венком. Обойдя оградку, она приблизилась и увидела, что это легкая косынка, привязанная к столбику оградки. Она стала расправлять косынку и узнала, что это мамина косынка! Это подарок, который Светлана Васильевна подарила маме несколько лет назад на весенний женский праздник. И мама любили его носить. И на одном уголке было вышито... она знает, что там вышито! Светлана Васильевна начала судорожно распрямлять уголки косынки. Распрямила два свободных уголка, ничего не нашла, стала искать остальные два. Они оказались стянуты в тугой узел. Развязав узел, руками стала выпрямлять уголки косынки.

На одном уголке появились вышитые буквы: «Маме на 8 Марта»...

Но в первый раз, когда ей показали могилку, этой косынки не было точно!

... А через три месяца в кабинете Светланы Васильевны появился тот незнакомец, который показал могилу Кольки. Он тихо подошел к кушетке, присел на краешек. Обратился к врачу:

— Вы как-то мне предлагали свою помощь...

Мишка

Мы с Максимом заядлые рыбаки, с детства. По жизни мы разные: Максим вспыльчивый, я спокойный; он учился так себе, а я неплохо; после школы я в институт пошел, а он закончил курсы шоферов и колесил по дорогам страны; он служил в армии, а меня забраковали: с детства ношу очки. Но связывала нас общая страсть: рыбалка. И даже когда Максим переехал в другой район, женился и обзавелся детьми, мы ездили друг к другу. То он ко мне, то я к нему. У них в районе несколько озер, мы туда в основном и ездили на рыбалку.

Но рассказать я хотел не про рыбалку, нет.

В один из первых своих поездок к Максиму, возвращаемся мы с ним вечером с озер. У Максима был «УАЗик» старый, «таблетка», это в народе так говорят. Едем, обсуждаем итоги рыбной ловли, уж не помню, что мы в тот день наловили. А к дому Максима, если ехать со стороны озер, надо через все село проехать. Едем, и проезжаем клуб. Маленький, старенький клуб. А уже темнеть стало, часов десять-одиннадцать-то было, наверное. Смотрю, а около клуба какой-то мужик вытанцовывает. Рядом никого нет. Не могу понять, пьяный этот мужик, или нет. На дверях клуба висит большой замок, да и так ясно, что никакого мероприятия в клубе нет, свет в клубе не горит, да и поздно уже, если бы было кино, или еще что, давно бы закончилось. Я Максиму говорю:

— Смотри, пьяный, что ли?

— А, Мишка, — мельком глянув в сторону клуба, ответил он. — Полоумный.

— А что с ним?

— История далекая, я хорошо не знаю, Светка лучше знает. Побили его, и он таким стал.

Пока его было видно, я все смотрел, как он... танцевал? Сказать, что не танцевал, нельзя. В его движениях нет-нет и появлялись движения профессиональных танцоров, которые никак не примешь за хаотичные движения. Из-за темноты не было понятно, сколько ему лет, но фигура его смотрелась молодо. Потом мы свернули в переулок, и танцор исчез.

Мне всё не терпелось выслушать у Светланы, супруги Максима, про этого человека. За ужином я спросил: «Светлана, Максим говорит, что ты можешь рассказать про человека, который около клуба танцует».

— Про Мишку? Ой, дядя Миша. Видели около клуба?

— Да, он там танцевал.

— Его все Мишкой зовут. Мишка, и Мишка. Когда я маленькая была, мы по соседству жили, его дом прямо рядом с нашим домом стоял. Он в милиции работал, лет тридцать ему было. Михаил Салкин. Я помню, он всегда в форме ходил, красивый такой, подтянутый. Он один был милиционер на все село, теперь вон их, целый отдел, человек десять. А раньше он один управлялся, и порядка больше было.

— Но сейчас всё другое. И время, и все. А потом?

— А потом его поколотили. Сильно. Так и не нашли, кто это сделал. Он долго в больнице лежал, полгода. Выжил кое-как.

— Но поколотили, говорят, знают, кто, — сказал Максим. — Со временем все узнаётся.

— Многое чего говорят, но, по крайней мере, до сих пор никого не посадили. Дальше. Он был сильно покалечен. Голову по частям собирали, говорят, по косточкам. Но выжил, молодой же был, спортивный. Он все пацанам фигурки на турнике показывал. В больнице сколько лежал, потом дома. Тетя Клава, жена его, все с ним возилась. Вытащит на себе на улицу, посадит на кресло, он сидит, ничего не понимает. Головой вертит, мычит. А мы сбегались смотреть на него. Пацаны, дураки, его дразнят: «Бе-бе-бе!». А он головой вертит, тоже: «Бе-бе». Тетя Клава выбежит, разгонит пацанов, сама гладит его по голове, плачет.

— И потом он даже пошел, даже плясать стал. Сколько ему сейчас лет?

— Когда это случилось, мне лет пять-шесть было. А ему лет тридцать было, я думаю. Теперь мне тридцать, а ему, ну, за пятьдесят, где-то. А как он на ноги стал. Его тетя Клава очень много по госпиталям и санаториям возила. По линии милиции. В первые годы. Но ничего не помогало. Речь так и не вернулась, так в коляске и сидел. Ум не приходил, как ребенок был, ничего не понимал. Даже кушать не мог, тетя Клава его кормила. Но потом, сидя в кресле, он как-то сам начал различные движения делать, руки-ноги подымать. Я уже в школе училась. Мы опять приходили, глазели. Он уже мог реагировать, мы ему подбрасывали мяч, а он ловил. К тому времени у него была коляска, он на ней

научился ездить. А потом и на ногу встал, в один день. Ходил медленно, но каждый день. И летом, и зимой. А потом и плясать стал.

— А около клуба, почему он...?

— Тетя Клава рассказывала, что однажды, когда он стал снова ходить, он исчез. Всю ночь искали. А потом его нашли в том самом месте, где его побили. Хорошо, хоть лето. И с тех пор тетя Клава за ним все время и ходила, или не отпускала, под замком держала, если куда уходила.

— А сегодня он один...

— А умерла тетя Клава. Года три назад. Болела.

— И он теперь один?

— Сестра живет в соседнем селе, приезжает иногда, но у нее самой семья, дети. Считаю, он один, других родственников у него нет.

— А танцует он около клуба, почему?

— Ой. Рассказывать... Максим, может, ты расскажешь?

— Давай. Я тебе говорил, Афоня, что он дурак. Или как грамотнее сказать. Бывают от рождения, а этого человека какие-то подонки дураком сделали. Голову изуродовали, и все, нет человека, почти. Так вот, слушай. Я говорю, что он ничего не соображает, ничего не помнит, развитие, ну... годовалого ребенка. Но что интересно. Сначала он теряется, его утром находят в том самом месте, где его оставили умирать. Потом, когда жена его умерла, он стал ходить по дворам. Придет к кому-нибудь, что-то мычит, показывает, чтобы его ударили. Люди ничего не могут понять, делают вид, что ударили. И он

начинает танцевать. И танцует, пока не упадет. Потом плачет и идет домой. Через несколько дней к другому дому идет. История повторяется. Он просит его бить, добивается своего, снова пляшет, снова плачет. Потом люди стали догадываться, что он ходит только к тем, с кем он сталкивался по своей профессиональной деятельности, когда работал милиционером. Сходил к Ваньке Мохову и плясал у дома его, так его в свое время Михаил поймал на воровстве бензина на заправке. К Илье пошел Мошкову, а Илья по пьяни магазин грабанул, Михаил возил его в район. И так далее и тому подобное. И люди замечали, что он не приходит к тем, кто не имел дела с милицией, именно с милиционером Михаилом Салкиным. И когда в очередной раз он шел по улице, мотая головой, что-то мыча и жестикулируя руками, жильцы какого-нибудь дома с тревогой смотрели, не пойдет к ним Мишка. И облегченно вздыхали, когда он проходил мимо их дома. А иногда он ни к кому не подходил, шел к клубу. И танцевал.

— А танцы, это что?

— Он в армии когда служил, в ансамбле выступал. Плясал. И в тот день, когда его побили, праздник был. Он выступал в клубе, плясал под гармошку. Может, поэтому и к клубу ходит. И танцует там, прямо на улице.

На следующий день я попросил Максима показать дом этого Мишки, Михаила. Мой друг удивился, но согласился.

— Но пошли. Но с ним ты не общаешься, он же ничего не сообщает.

Мишка сидел на завалинке своего дома и смотрел по сторонам. Он увидел нас, улыбнулся, быстро встал и приблизился к нам.

— Мишка, подходи, я тебя ударю, — Максим сделал движение, будто хочет ударить. Он объяснял мне, что если Мишка проигнорирует этот жест, значит, Михаил Салкин с этим человеком раньше дела не имел как милиционер.

Мишка что-то промычал, весело показывая руками, что он против того, чтобы Максим его бил. Но когда его взгляд обратился ко мне, его веселое лицо стало вдруг злым, он подошел ко мне, взял мою руку, и стал показывать, чтобы я его ударил.

Я, ничего не понимая, посмотрел на Максима. Максим тоже ничего не понимал. А Мишка все энергичнее тряс мою руку, пытался ударить моей рукой себя, я сопротивлялся, а глаза Мишки становились все злее и злее, он что-то громко мычал, и уже вцепившись обеими руками, все тряс и тряс мою руку. Мы уже перешли чуть ли не врукопашную. Максим крикнул:

— Ударь его! Сделай вид, что ты его ударил!

Я ослабил руку, Мишка ткнул моей рукой по своему лицу, сделал движение, будто он отлетел от удара, упал...

Он лежал, мне показалось, очень долго. А на самом деле, может, секунд пять-десять. Потом он начал вставать. Еще не встав полностью, приподнимаясь, он выбросил в стороны руки, извиваясь, стал танцевать. Его движения были то плавными, то резкими, он то приседал, выкидывая, вперед одну ногу, то извивался, как змея. Это не было танцем, это

были какие-то хаотичные движения, но все равно можно было сказать, что это был танец. Дикий, страшный танец. В движениях Мишки мелькнет движение «цыганочки», но продолжится конвульсивными движениями ног и ягодицы, потом перейдет на плавные движения бального танца, но вдруг начнутся присядки...

Потом движения стали все быстрее и быстрее, затем Мишка рухнул, как подкошенный. Я двинулся было к нему, но Максим меня придержал рукой. Михаил лежал долго, казалось, он не дышал. Но тело его тихонько зашевелилось, потом он присел, закрыл глаза и стал рыдать. Он не смотрел по сторонам, только дергались плечи и доносилось рыдание. Такое горькое и страдальческое.

Сердце мое колотилось, я весь был в поту, чувствовал, как бегут капельки пота по спине.

Максим дернул мою руку за рукав, показал: пошли. Мы тихонько пошли. А Мишка так и остался рыдать.

Когда мы дома рассказали, как ходили к Мишке, Светлана очень удивилась:

— Но Мишка никогда не ошибается.

— Слушай, Светка, — возразил Максим. — Когда Мишка работал милиционером, Афоньке было лет семь-десять. Я его расспросил по дороге, в милицию он никогда не попадал. Это я мог попасть, но не Афоня. Да и к тому же он не жил в нашем селе, а Мишка не жил в их селе.

Светлана удивленно пожала плечами, помолчала немного, но потом тихо, но твердо сказала:

— Не знаю, Максим. Но Мишка никогда не ошибается...

Последний
урок

Татьяна Ивановна проснулась рано. Впрочем, как и всегда. Первым делом она брала ведро и шла к реке. Река была недалеко от ее дома. Чуть-чуть пройти за оградкой — и вниз по тропинке. Она вспомнила, как в молодые годы она чуть ли не бежала к речке, не замечая неровностей тропинки. Да еще размахивая руками, в одной руке коромысло, а в другой — два ведра. А теперь у нее было только одно маленькое ведро, она внимательно всматривалась, нет ли на тропинке камешка, углубления или веточек, или еще чего, принесенного ветром. Осторожно ступая ногами, чтобы не упасть, она доходила до речки, набирала воды полведра и также осторожно возвращалась обратно. Сегодня она стояла около реки. Река была небольшая, пацаны запросто переплывали ее; летом река теплая, женщины, забредая по колено в воду, полоскали белье.

Сегодня было 25 мая, скоро вода в реке потеплеет, и с утра до ночи оттуда будет доноситься веселый шум барахтающихся ребятишек. Татьяна Ивановна стояла, вспоминала. Все было так, как и много-много лет назад. И река, и лес за рекой. Это была ее родная деревня. Она здесь родилась, правда не в этом доме, а чуть подальше. Но дома того, в котором она выросла, уже не было, он обветшал, состарился, и его снесли. Это случилось, когда она, закончив педучилище, по направлению уехала работать в соседний район. Родители переехали в другой дом. Она работала учительницей начальных классов. Выпустив три выпуска по четыре класса, она снова приехала к родителям. Вернее, к маме и

брату. Отца уже не было, умер. Брат так и жил один, не женился, подрабатывал на стройке. Через несколько лет умер и брат, тяжелая физическая работа, чередующаяся с периодическими обмываниями хороших строительных заказов, не удлиняют человеческую жизнь. Татьяна Ивановна вернулась в ту же школу, где она сама начинала учиться и закончила четыре класса, но уже учителем. Встречала первоклашек, а через четыре года их провожала. Снова брала первоклашек, снова провожала, через четыре года. И так ... сколько раз... она принялась считать, сбилась, снова начала сначала, снова сбилась, потом махнула рукой, прекратила это занятие. Подняла ведро, набрав воды, и пошла домой. Шла она медленно; хотя воды и было немного в ведре, она несла его с трудом, несколько раз останавливалась, чтобы передохнуть, ставила ведро на землю, вытирала пот со лба, смотрела на реку, горы вдалеке, деревню. Да, мало что изменилось с тех пор, когда она сама была маленькой. Деревня не очень-то и выросла, только прибавилось несколько новых домов. А все вокруг: лес, горы, река — так же, ничего не изменилось. Только сама она постарела. Жизнь пролетела быстро, а в детстве казалось...

Она вспомнила, как в пожилые годы свои ходила ее мама, переваливаясь с ноги на ногу, тяжело их переставляя. Поймала себя на мысли, что и она теперь стала ходить так же. Оставшись вдвоем с мамой, когда умер брат, Татьяна Ивановна ухаживала за мамой. Сходит на работу, отведет уроки, и скорее обратно, домой, к маме. Ей нравилось ухаживать за

мамой, обстирывать ее, готовить нехитрые каши, водить в баню, мыть ее...

Своих детей у нее не было, и может быть, тот не-растроченный запас тепла, ласки и добра, который есть у каждой женщины, предназначенный для своих детей, она отдавала матери. А детей у нее не было, потому что замужем она толком и не была. Когда работала, в первые годы после распределе-ния, в другом селе, все ее подружки в первый же год повыскакивали замуж, и только она отбивалась от местных парней. Не сказать, что они и плохими-то были, просто ей нужно было готовиться к урокам: проверять тетради, писать планы и прочее. В об-щем, было не до них. Но года через четыре появился все-таки у нее в доме парень. Стали они вместе жить, она собиралась летом к родителям его сво-зить, познакомить. Но оказалось, этот парень об-щался уже, до нее, с одной девушкой местной, потом они разругались. А когда он стал с Татьяной жить, этой девушке мира с парнем захотелось, она два раза даже к ним домой приходила, скандалила. Та-тьяна этого парня выставила, и с тех пор она не до-пускала, чтобы мужские ноги дальше порога ее дома проходили.

Вскипятив воду в чайнике, она выпила чашку чая с печеньем, стала собираться на работу. Пой-мала себя на мысли, что волнуется. Да и как не вол-новаться. Она вспомнила, как она готовилась к своему первому уроку. Как полночи не спала, очень рано встала, несколько раз проверяла в сумке, все ли положила, и пришла в школу за час до занятий. И

сегодня она так же волновалась. Но сегодня волнение было по другому поводу. Сегодня она пойдет на свой последний урок.

Еще полгода назад приезжало начальство из района, чиновники сказали, что школа в их деревне закрывается. Детей будут возить в район. Невыгодно содержать отдельную школу для нескольких ребятишек. Что ж, начальству видней, Татьяна Ивановна и не возражала. Да и что ее возражения, кто бы ее спрашивал. Она только сказала, что и нашей деревне, видимо, приходит конец, не будет школы, не станет и деревни. Всем известно, что за последние годы как-то незаметно соседние две маленькие деревни исчезли. Школ там не было, дети сюда ходили в школу. Работница районо интересовалась:

— Что будете теперь, Татьяна Ивановна, делать?

Она ответила: «Да как-то неожиданно. А что, предложения есть?»

— Да зав районо просила передать, что может подобрать вам работу в другом месте. Вы уже сорок девять лет в школе работаете. Еще год, и пятьдесят будет. Как-то отметили бы эту дату, на районном уровне. Подумаете?

— А я и не считала, сколько работаю. Знаю, что много. Нет, ребята, и думать не буду. Никуда я не поеду. Устала я. Да и мать у меня, старая и больная, совсем слегла. Да и какая разница, сорок девять лет, или пятьдесят. Как-то не до юбилеев в наше время. Спасибо, конечно, за предложение.

Поначалу как-то беспокойно было у нее на душе, что она не будет больше работать, но потом

все успокоилось, она смирилась с мыслью, что этот учебный год будет у нее последним.

Мама еще спала, Татьяна Ивановна не стала ее будить. Тихо закрыла за собой дверь и вышла на улицу. До школы было недалеко, всего лишь через несколько домов, в середине единственной улицы. Через дорогу, напротив школы, был магазин, тоже единственный. Это было самое многолюдное место, хотя все относительно. Многолюдно — это человек пять-шесть на улице. Да пара машин. Но сегодня около магазина машин не было, только три мужика с унылыми лицами сидели на завалинке, курили и о чем-то разговаривали. Может, о вчерашнем дне, а может, о перспективах на сегодняшний. Хотя было ясно, о каких перспективах может идти речь у этой троицы, сидящей утром на завалинке магазина.

Татьяна Ивановна нашла ключ в условленном месте, между бревен, стала открывать большой висячий замок. Ключ она оставляла, потому что вечером приходила Маша, уборщица. Школа представляла собой небольшой домик.

Внутри был коридор, и по одной комнате с каждой стороны коридора. В конце коридора была печь, которую зимой топила Маша. Но сейчас, как говорят, отопительный сезон был закончен, хотя в прохладные дни печка протапливалась.

Раньше, когда еще Татьяна Ивановна училась здесь, обе комнаты были заняты под кабинеты, детей было много, даже учителей было несколько, а теперь и учитель был один, и кабинет под класс был только один, а второй превратился в учительскую,

склад для дров, школьных принадлежностей и каптерку уборщицы Маши одновременно.

Татьяна Ивановна зашла в кабинет, прошла к своему столу и стала раскладывать на столе бумаги, нужные для проведения урока. Но урока как такового не будет. Вернее, урок будет, но это не будет касаться ни математики, ни русского, ни других предметов. Да и на столе лежали только личные дела учеников, с оценками за каждый учебный год, с первого по четвертый классы. Семь личных дел. Столько учеников было у Татьяны Ивановны. Она вручит им всем их документы, пожелает хорошей учебы...Она прошла между партами, оглядела свой кабинет. Известные писатели и поэты смотрели из пожелтевших картин, висящих на одной стене, на второй висели плакаты, нужные для проведения различных уроков, на третьей стене были два окна, а на четвертой — доска, рядом с доской большая карта мира. Потрепанная и обветшалая, как и все в этой школе. И вот сегодня заканчивается жизнь у этой школы. Последние ученики заберут свои личные дела, не очень внимательно выслушав Татьяну Ивановну, разбегутся по своим домам; кое-что нужное из школы увезут в другие школы, а здание снесут, а может, кто и заберет, выбросит сгнившие бревна и построит времянку или помещение для скотины, а то и на дрова пустит.

За окном, около магазина, тех мужиков уже не было, но стояла какая-то машина. Дверь магазина открылась, появилась знакомая троица, теперь уже с веселыми лицами, быстро направилась мимо

школы. Татьяна Ивановна их всех знала, один даже был ее учеником, в последнее время только около магазина и увидишь его. В свое время был хорошим плотником. Звали его Михаил, Костин Михаил. Миша, когда учился, был способным мальчиком, но к учебе относился прохладно: прогуливал, не всегда выполнял домашние задания, на уроках был рассеян, отвлекался. Несколько раз Татьяна Ивановна ходила к ним домой, разговаривала с родителями. Мать Миши была маленькой и щуплой женщиной. Она молча выслушивала учительницу, ничего не говорила. А отец вообще участия в таких разговорах не принимал, уходил на улицу. Почувствовав, что толку от таких посещений нет, Татьяна Ивановна к ним ходить перестала. А Миша кое-как закончил восемь классов, учиться никуда не пошел, начал работать. В основном, на стройке. Долгое время жил в другом селе, женился, но потом развелся, приехал снова к родителям. Детей не было. Теперь, когда родители померли, он один жил в родительском доме. Миша был единственным ребенком в семье. Татьяна Ивановна часто видела его около магазина, иногда встречались, хотя было видно, что он старался не попадаться на глаза своей бывшей учительницы.

Открылась дверь в школу, в коридоре послышались голоса. В класс зашли женщина и девочка. Это была одна из лучших учениц, Настя, с мамой; они поздоровались. Молодая женщина, ее звали Екатерина, поставила на стол небольшой пакет.

— Сметаны вам принесла, баночку. Свеженького. Как тетя Люда-то?

— Да не нужно было, Екатерина Павловна. Но спасибо. Да ничего мама. Иногда выходит погулять. А так, все время в кровати.

— Передавайте привет от нас. Здоровья ей!

— Передам обязательно. Спасибо.

— Ой, Татьяна Ивановна, как теперь будет-то, без школы? — Женщина прошла к задним рядам, села за парту. — В Листвянке у нас родственников нет, придется им на автобусе каждый день ездить. Ведь у нас Пашка уже подрос, в первый класс пойдет.

— Уже нынче в школу? — удивилась Татьяна Ивановна. — Как быстро он у вас вырос.

— Да уже пора, скоро семь будет. Мы и рассчитывали: вот, Татьяна Ивановна отучит Настю, отправит в пятый, и примет Пашку в первый класс. А оно — вон как повернулось. А вы сейчас куда?

— Да, такие дела. А я все, отдохнуть буду. Я свое отработала. Буду рядом с мамой.

— Понятно. И школу жалко, да и к вам мы привыкли. Чуть что, в школу. То за помощью, если мероприятие какое намечается, а то просто, за советом. А теперь...

— Да ничего, Екатерина Павловна, образуется. Все будет нормально, не переживайте.

— Хорошо бы.

Снова слышались голоса в коридоре, в классе появилось сразу трое ребятшек, две девочки и мальчик. Прервав свой оживленный разговор, они поздоровались. Татьяна Ивановна их поприветствовала.

— Проходите, садитесь.

Потом появилась еще одна женщина. В руках она держала букет цветов. Подошла к Татьяне Ивановне, вручила цветы, обняла ее. Она начала говорить, но голос ее дрожал:

— Но как так? Вот, вроде бы радостное событие, Танька школу начальную закончила, а я иду, чуть не плачу. И Верка моя, старшая, у вас училась, и Танька вот. Ваньке три года, даже не думала, что когда он в школу пойдет, школы в деревне не будет.

— Успокойтесь, Галина Ивановна, садитесь. А где Таня-то?

А у женщины уже появились слезы, она всхлипнула, ответила: «Да на улице, подружку ждет, Машку, сейчас зайдут они». Прошла села рядом с Екатериной.

— Катя, как мы школу-то не отстояли, а?

Та ответила: «Да, не смогли, и в район ездили. Кто нас послушает».

В класс зашли еще две девочки. Татьяна Ивановна усадила их, окинула взглядом класс: «Так, ребята, кого еще нет? Нет Володи Рябцева». Мальчик со второй парты поднял руку. Учительница спросила: «Что, Сережа?».

— Володька просил его бумаги мне забрать. А сам в город поехал, с отцом.

— Что-то случилось?

— Да нет, отец за товаром поехал, и Сережка с ним напросился. Город посмотреть.

— Город? — Татьяна Ивановна подвинула к себе личные дела учеников. — Город, это хорошо. Только его личное дело я тебе отдать не могу. Пусть

сам ко мне придет, его личное дело я домой заберу. Мне нужно с каждым учеником поговорить. Так ему и передай.

Отец Володи — Рябцев Тимофей, был хозяином единственного сельского магазина, имел пасеку, держал скотину и считался зажиточным. Многие односельчане подрабатывали у него: на заготовке сена, строительных работах, да мало ли в хозяйстве какие работы не нуждаются в рабочих руках. Рассчитывался Тимофей продуктами из магазина, иногда и деньгами, кому очень нужно.

Татьяна Ивановна встала, взяла в руки первое личное дело:

— Ну что, ребята, вот и закончился ваш и этот учебный год. Он завершает вашу учебу в начальной школе. Четыре года вы проучились в этой школе, вы повзрослели, преодолели первую ступеньку в своей жизни. Дальше будет сложнее. В пятом классе у вас будут разные учителя, на каждый предмет свой учитель, в первое время вам будет трудно к этому привыкнуть. И самое сложное, вы будете учиться в другой школе, в другом селе, в райцентре, вдали от родителей, кто-то будет жить у знакомых или родственников, вы попадете в другой коллектив. У вас появятся новые друзья, но, надеюсь, и сегодняшних одноклассников вы не будете забывать. Но, а теперь по списку. Архипова Таня. Таня неплохо закончила учебный год. Но немного хромает у нее математика. Галина Ивановна, летом уделяйте время, проследите, чтобы Таня повторяла правила. Таня, вот тебе личное дело, здесь все твои оценки за

четыре года, есть благодарности от школы и рай- оно. Успехов тебе в другой школе. Идем дальше. Се- режа Малышев. Сережа, я бы посоветовала тебе ходить на какие-нибудь спортивные кружки, или секции, как они там называются. Думаю, из тебя выйдет хороший спортсмен.

Послышалось, что открылась наружная дверь, раздался громкий мужской голос, шаги по коридору, и в дверях кабинета появился мужчина. Лет сорока. Он был выпившим, длинные грязные волосы комками свисали на засаленный воротник расстегнутой рабочей куртки, лицо его было заросшее щетиной, а полупьяные глаза смотрели недобро. Это был Костин Михаил.

Татьяна Ивановна удивленно посмотрела на него. То, что он был в таком виде, имеется в виду, что в не очень трезвом, неудивительно. Это его не очень-то редкое состояние. Но он никогда не появлялся в таком виде в школе. Вообще ни в каком виде. Прошло очень много лет, как он отучился в этой школе, но Татьяна Ивановна не помнила, чтобы он хоть раз появился здесь. Детей он не имел, да и дру- гих причин, чтобы ему здесь появиться, не было.

Татьяна Ивановна спросила:

— Здравствуй, Михаил. Что-то хотел?

Но мужчина ничего не ответил, пошатнулся, оглядел присутствующих, прошел вдоль стен, по- смотрел на плакаты, подошел к доске, посмотрел на карту, стал что-то там искать, потом махнул рукой. Посмотрел на Татьяну Ивановну.

— А что, нельзя? И в родную школу заглянуть нельзя?

— Но у нас урок идет. Тебе что-то нужно?

— Урок? — Михаил подошел к столу учительницы, рассмотрел содержимое на столе. Взял из пакета банку со сметаной, повертел в руках, поставил на место. — Но я не вижу подготовки к уроку. Где учебники, где планы? А, Татьяна Ивановна? Или за эти годы вы так наловчились, что и к урокам не надо готовиться? И так сойдет, деревня все проглотит? Вы им пятерки, они вам сметанку?

— Ты чего себе позволяешь, Мишка? — закричала Екатерина Павловна. — Пошел отсюда, пьяница!

— А ты не ори! — Михаил махнул рукой на женщину. — Да, я пьяница. Но кто им меня сделал, Катька? Не ты ли?

— Татьяна Ивановна, что слушать этого дурака. Сейчас я его вышвырну, — Екатерина Павловна стала приподниматься из-за парты.

Но Татьяна Ивановна сделала ей знак: не вставать, выдвинула стул, показала Михаилу на него: «Хорошо, Миша, вернее, Михаил Павлович, кажется, будешь. Проходи, проведи урок. Вижу, ты к нему хорошо подготовился». А сама прошла к последней парте, села.

Михаил подошел к столу, задвинул стул на место, неровными шагами подошел к доске, взял указку, повертел в руках. Повернулся к сидящим.

— Вы все врете. А первая врунья вы, Татьяна Ивановна.

— Татьяна Ивановна, может, детей отпустим? — Галина повернулась к учительнице. — Им-то, зачем эту дребедень слушать?

Но Татьяна Ивановна сказала: «Но почему? Пусть слушают. Они уже взрослые, думаю, такой урок им тоже будет полезен».

А Михаил продолжал: «Вы на уроках ввали, что лет через тридцать мы будем приходить в магазин и будем брать все, что нам нужно, без денег. Через тридцать лет я прихожу в магазин, но у меня нет денег. И мне ничего не дают. Вы ввали, что когда мы закончим школу, у нас будет возможность работать где угодно, но сегодня я не могу найти работу, ее нет. Я чищу свинарники у Тимофея Рябцева, но он не дает деньги, я могу взять в его магазине водкой».

— А ты не бери водкой, ты едой бери, — это Екатерина Павловна.

— Ты помолчала бы, Катюшка. Ты обозвала меня пьяницей. Но ты делаешь и меня, и других парней, что моложе, пьяницами. Скоро снова сенокос. И ты снова позовешь нас, и снова будешь поить нас паленой водкой. Нет, чтоб деньгами. Все знают, что тебе привозят спирт, а ты их разливаешь и вечерами продаешь. Все знают, и Татьяна Ивановна знает. У тебя берут, потому что дешевле, чем в магазине.

— Нет, Миша, я сейчас тебя поколочу, — вскипает Екатерина.

— Что, правду неприятно слушать? У тебя дочка растет. В школе ее учат не обманывать, а ты ее вечерами учишь бутылки закатывать, чтоб народ спивать. Или не так, Настя? Что голову опустила?

— Ты бы прекратил, Михаил, всякую чушь молоть, при детях, — сказала Галина.

— А это нужно разобраться, кто что мелет. Школу вашу закрывают, а ты, Галка, при людях одно говоришь, а инспектору району что говорила? Муж твой хвастался. В районе учиться детям лучше будет, ты говорила, совсем наша учительница старая стала, пора на покой.

— Нет, видите, что человек говорит, совсем от пьянок дураком стал, — посмотрела Галина на учительницу. Но Татьяна Ивановна была спокойна.

А Михаил продолжал: «Я может, и дурак. Но правду говорю. А вы умные. Знаете, где что сказать. Правду припрятать, когда надо, и приврать, когда вам выгодно. А я дурак, да. Потому что батрачу на людей за копейки, и никогда не требую того, чего стоит работа. Просто спаивают. Дурак, потому что пошел против начальства, когда работал на стройке, и меня быстро турнули оттуда. Дурак, потому что на последние деньги я покупаю самопалку у Катьки. Дурак, потому что где бы я ни работал, не тащил со стройки что ни попадя, не строил себе хоромы. И жена от меня ушла, тоже так и сказала. Что люди живут, как люди, а ты — дурак. А я не хотел, как люди, и не хочу. Хочу по совести. По правде. Но не получается. А у вас все получается. У Катьки людей травить получается, и у дочки ее, Насти, тоже получится. Молчи Катька! А ты, Настя, слушай. И знай, когда тебя будут твои родители возить в новой машине, которую они купили месяц назад, эта машина стоит многих сломанных судеб парней. И ты, Галка, молчи! Все знают, как ты ни во что не ставишь мужа своего, Петьку, унижаешь его, друга моего. Как ты все время едешь в город к

этому... ладно, не буду, дети... А Татьяна Ивановна тоже хороша. Детей в школе учит, чтобы детей воспитывали, счастье в детях... А сама? Ни мужа, ни детей. Ведь до сих молва людская идет, что она по молодости семью чуть не разбила, хотела чужого мужа отбить.

— Да что вы его слушаете?! — вскочила на ноги Галина. — Татьяна Ивановна, прекращайте этот ... это...

Но Татьяна Ивановна все еще, по крайней мере, на вид, была спокойна: «Сядьте, Галина Ивановна, урок еще не закончен. Продолжайте, Михаил Павлович, продолжайте».

Но Михаил почему-то сразу сник, подошел к столу, выдвинул стул, сел.

— Да, я дурак. Но я еще и трус. Я сегодня был в магазине, у Тимохи Рябцева. Он собирался в город. И там был Володька, сын его. Он у вас учится. Он хотел сюда, в школу, а отец ему говорит, нет, в город поедем, полезнее будет, а что тебе эта старушка скажет. Толку, якобы, никакого от нее, от них только затраты. Мать, говорит, у твоей учительницы при смерти, помрет, к кому, опять ко мне, Тимофею Рябцеву: с гробом помощи, с похоронами. Да и сама она уже на подходе...

Голос Михаила становился все тише; где тот злой человек, когда он зашел в класс. Он сидел, сгорбившись, смотрел в одну точку. Помолчал, продолжил:

— А я ничего не смог сказать против. Я, как собачонка, смотрел на него ободряющим взглядом, хвостом бы повилял, если бы он был у меня. Мне

нужно было опохмелиться, а денег у меня не было. Трус... И в школу я зашел, и грубить начал, чтобы меня вышвырнула Татьяна Ивановна, нагрубила. Но этого не произошло. И я вспомнил детство. К нам в дом пришла Татьяна Ивановна. Учился я плохо, поэтому она и пришла. При ней меня родители стали ругать. Но Татьяна Ивановна заступилась за меня, почему-то стала меня хвалить. По-моему, никто меня больше в жизни и не хвалил...

Михаил приподнялся, медленно пошел к выходу. Остановился, посмотрел на всех: «Прощайте. Я был в городе, в больнице. Болею давно. Мне осталось жить немного, может месяц, может два. У меня рак признали... И если сказал не то, не обижайтесь, что с меня взять: пьяница. Пьяница и трус...

У Михаила появились слезы. И он, не вытирая их, вышел из кабинета. Были слышны шаги, звук открывшейся двери, и стало тихо. Еще некоторое время в кабинете стояла тишина, но потом люди потихоньку начали уходить. Сначала ребяташки, потом родители. Прощались, уходили.

И только Татьяна Ивановна так и сидела, смотрела в окно.

А на столе лежали несколько листочков, цветы и пакет. А в нем банка со сметаной...

Тарько правду,
и нурса...

Николай Николаевич ужинал. Он не был голоден, после работы он с мужиками заглянул в бар, где они пропустили по паре бокалов пива с сушеной рыбой. Но есть не отказался. Жена поставила перед ним тарелку с борщом, еще его ждали котлеты, чай. Ел он долго, делал вид, что голоден и ест аппетитно, иногда посматривал на включенный телевизор.

Кухня в квартире Николая Николаевича была маленькой, на шесть квадратов, но его супруга всю кухонную мебель расставила так, что было компактно и удобно. Места хватило и телевизору, хотя и на стене.

Хозяева квартиры были людьми среднего возраста, единственный сын жил со своей семьей отдельно, приходил в гости, но редко.

— Ох и врать, ох и врать, где же они сорок пять зарплату по стране выкопали, — возмутился Николай Николаевич, посматривая на диктора в телевизоре. — У меня зарплата двадцать две, и то она в нашем городе считается неплохой. А здесь — сорок пять. У нас начальник столько не получает.

— Наверное, так и есть, раз говорят, — возразила супруга. — Врать не будут.

— Ага, щас прямо, не будут они врать, — буркнул Николай Николаевич. — Эх, настанут ли времена, когда люди друг другу врать перестанут? Нет, наверное.

— А кто тебе что соврал?

— Да все врем же друг другу. На работе врем: мы начальству, начальство народу; вон, с телевизора, показывают какие у нас улицы чистые, а пройди пешком — грязь да пыль.

— Ладно, хватит возмущаться, доедай, посуду мыть надо, — приподнялась супруга.

— Да я поел уже, спасибо, — Николай Николаевич тоже поднялся и пошел в зал. Взял газету, сел на диван. Почитал некоторое время, отбросил в сторону: «Опять врут!», взял сигареты, зажигалку и пошел на улицу курить.

Во дворе дворник собирал бумажки.

— Привет, Иваныч! — поприветствовал дворника Николай Николаевич. — Как дела?

— Здравствуйте, Николай Николаевич, все нормально, А у вас как рабочий день закончился?

— Да все хорошо, вот, вышел покурить.

К подъезду подошла пожилая дама в шляпе, ведя на поводке маленькую собачонку. Поздоровалась.

— Добрый вечер, Николай Николаевич, дышите воздухом?

— Здравствуйте, Нэлли Павловна! Вы сегодня здорово выглядите! Как поживает ваш симпатичный Багратиончик?

— Спасибо, тоже вышли на воздух, погуляли уже.

Николай Николаевич придержал дверь подъезда, пока заходили пес Багратиончик с его хозяйкой, постоял немного, докурил сигарету, кинул окурки в урну, но не попал, махнул рукой и скрылся в подъезде.

Перед сном супруги перекинулись несколькими ничего не значащими фразами, легли спать. Супруга уснула сразу, а Николай Николаевич уснуть не мог. Вспомнил, как он возмутился за ужином, когда говорил диктор в телевизоре; вспомнил, как в

его отделе на работе все сотрудники возмущаются вновь назначенным начальником, за глаза его ругают, а перед ним лебезят... И почему нельзя говорить правду, думал он, ведь от того, что мы врем друг другу... Он все больше и больше углублялся в свои умозаключения и уснул только под утро.

А утром проснулся вроде, но не по будильнику; лежит, глаза не открывает, неохота даже посмотреть на будильник, узнать, сколько еще до звонка осталось. И вдруг ему показалось, что кто-то рядом стоит и в ухо его шепчет: «Все, с сегодняшнего дня ты будешь говорить только правду, ты будешь говорить только правду...». Николай Николаевич понять ничего не может, думает, что не проснулся еще, снится что-то. Но рядом, под ухом, опять: «С сегодняшнего дня ты будешь говорить только правду, и ничего...». Николай Николаевич резко откинул одеяло, открыл глаза, а рядом... никого. Он протер глаза, огляделся. Жена еще спала, до звонка будильника оставалось еще полчаса. Николай Николаевич еще немного посидел и снова залез под одеяло. Но спать уже не хотелось. Он стал думать, что же это было. Он же ясно слышал, он уже не спал...

Зазвонил будильник, Николай Николаевич его отключил, пошел умываться. Вставал он рано, до работы нужно было добираться на автобусе, да еще с пересадкой.

Работал он в конторе, которая занималась рекламой. Они печатали буклеты, делали бумажные сумки, монтировали большие билборды вдоль

улиц. И все это с рекламированием чего-то. Рекламировали все: спички, соки, туалетную бумагу, машины, полеты в теплые страны. Заказчики приносили данные о товаре или услугах, а контора Николая Николаевича должна была представить этот товар покупателю, «в лучшем свете», как говорят. Они и представляли.

Зайдя в контору, первым делом Николай Николаевич открывал дверь в приемную, здоровался с секретаршей Тонечкой — она приходила раньше всех — и отпускал ей пару комплиментов. Тонечка — это своего рода посредник между начальником и сотрудниками и, разумеется, она была важным звеном во всей цепи конторы.

И сегодня Николай Николаевич привычно зашел в приемную, хотел улыбнуться, но не получилось, и вместо привычных: «Здравствуй, Тонечка, ты сегодня прекрасно выглядишь!» его уста буркнули: «И чего ты каждый день раньше всех приходишь? Может, хватит перед начальством выслуживаться?». При виде вошедшего Николая Николаевича секретарша приветливо кивнула, улыбнулась, но после услышанных слов улыбку сменила неприятная гримаса. Она приоткрыла рот, пыталась что-то сказать, но так и осталась сидеть, лишь подрагивали ее губы. Николай Николаевич сам опешил от своих слов, тут же хотел превратить свои слова в шутку, но вместо чего-нибудь остроумного и смешного, он услышал: «Что, чай уже кипит, к приходу нового начальника будет готов? Нет? Ах да, не чай, кофе. Ну, ну, старайся, глядишь, что-нибудь и выгорит».

Николай Николаевич не мог понять, что происходит. Он хочет сказать одно, но его уста выдавали совершенно другое. Он открыл рот, хотел извиниться перед Тонечкой, но понял, что получится совсем другое и поскорее вышел из приемной. Он шел по коридору конторы, не мог понять, что с ним произошло. В его кабинете, кроме него, работали еще два сотрудника: молодой парень и пожилая женщина предпенсионного возраста. Их пока не было, Николай Николаевич почти всегда появлялся в кабинете первым. Он сел за свой стол, сердце его сильно колотилось, руки дрожали, он пытался успокоиться. Он начал думать, почему это с ним происходит, что же случилось. Открылась дверь, зашла сотрудница, Елена Петровна.

— Здравствуйте, Николай Николаевич, с добрым утром!

Изо всех сил Николай Николаевич хотел выдать себя: «Здравствуйте!», но получилось вот что: «Разве утро может быть добрым во вторник? До субботы далеко, еще целых четыре дня слушать ваши бредни: то про болезни, то про политику. Была бы какая-нибудь молоденькая, приятно было бы с ней поговорить, а с вами...». Николай Николаевич изо всех сил старался замолчать, но не получалось. Елена Петровна после услышанных слов остановилась на полпути к своему столу, из рук ее выпала сумка, она изумленно смотрела на Николая Николаевича. Потом опомнилась, подняла сумку и пугливо поглядывая на своего соседа, прошла к своему столу. А Николай Николаевич, чтобы опять

ничего не ляпнуть, вернее, чтобы не услышать, что ляпнет его рот, поспешил из кабинета. Быстро прошел в умывальник, стал мыть лицо. Он весь горел от стыда, от того, что он не мог побороть того, кто в нем вселился. Или не вселился? И вообще, что с ним происходит? Он еще и еще полоскал лицо холодной водой. Что же делать? И тут он вспомнил, вспомнил сегодняшнее утро, те чьи-то слова о том, что он будет говорить только правду, вспомнил и вчерашний вечер, когда он возмущался, что все вокруг врут... Так, значит... Но этого не может быть, возмутился он. Это только в книгах и фильмах... в прошлое попадают, в будущее... происходит что-то подобное там, а здесь же жизнь, настоящая жизнь...

Николай Николаевич шел в свой кабинет, думал. Как же так сделать, чтобы молчать? Рот не открывать, сжать зубы... Да, сильно сжать, и молчать. Молчать...

Он прошел к своему столу, сел, искоса глянув на Елену Петровну. Всегда разговорчивая, она сидела накупившись, и шуршала бумагами. В кабинет зашел третий сотрудник. Это был молодой парень, он работал в этой конторе около года, пришел сразу после учебы в техникуме.

Он поздоровался: «Здравствуйте!». Елена Петровна ответила: «Доброе утро, Коля!»

Николай Николаевич только кивнул, он ведь сидел со сжатыми сильно челюстями. Но не тут-то было. Как это получается у того, кто вселился в него — если это так, но его челюсти легко разжались, и он, как и все присутствующие, разумеется, услышал: «Сколько можно опаздывать? Посмотри

на часы, сегодня ты опоздал на семь минут, вчера на двенадцать. Ты думаешь, это тебе сойдет с рук? Елена Петровна приветливо с тобой здоровается, а сама ведет тетрадку, где все пишет, на сколько минут ты опаздываешь каждый день. Думаешь, просто так? Скоро у нас будет сокращение, и записи Елены Петровны очень ей пригодятся».

— Да как ты смеешь, Николай Николаевич, ты о чем болтаешь? — возмутилась Елена Петровна.

А Николай Николаевич был бы рад не болтать, но болтает-то не он. И этот «не он» продолжал: «А что, не так? Сказали, что из нас троих одного сократят. Я отпадаю. Образование, опыт, возраст — все нормально. Получается, из вас двоих кто-то кандидат на вылет, то есть на сокращение. И смотрите. Возьмем Кольку: возраст — плюс, опыт — минус. Елена Петровна: возраст — минус, опыт — плюс. Бюллетени — минус. Так что, записи с опозданиями будут иметь свой вес. Так-то, господа сотрудники».

Николаю Николаевичу ничего не оставалось делать, как снова поспешить в умывальник. Снова холодную воду на лицо, снова: что же делать?

Позже немного приспособился: как только приоткроются губы, чтобы что-нибудь сказать, он прикрывал рот рукой, выскакивал из кабинета. Елена Петровна с Колей удивленно глядели на Николая Николаевича, переглядывались, ничего не понимая.

Так и промучился Николай Николаевич до обеда, стараясь не попадаться на глаза другим сотрудникам, а если с кем-то и возникал разговор, и изо рта его вылетали слова, которые он и не думал

говорить, тогда он сразу прикрывал рот и отходил в сторону от собеседника. И только в столовой, во время обеда его уста обвинили работницу столовой, что суп у них вчерашний, а в котлете мало мяса. Не успел отойти в сторону.

А после обеда его вызвали к начальнику. Но попал он не сразу. Тонечка холодным взглядом показала на стул и заставила его ждать. Она пропустила двух сотрудников в кабинет начальника, хотя они в приемную зашли после Николая Николаевича, потом, когда они вышли, еще долго перебирала бумаги, заносила начальнику, выносила. И то не она его запустила в кабинет, а начальник; он вышел, вынес папку, попросил Тонечку передать в бухгалтерию, увидел Николая Николаевича, поздоровался, сказал: «А что ж вы сидите, заходите, у меня свободно».

Начальник работал недавно, ему было лет тридцать. Николай Николаевич волновался. Не потому, что оказался в кабинете начальника, а понимая, что это «провал», как сказал бы Штирлиц. Выбегать из кабинета было бы смешно, смысла закрывать рот тоже не было, сжимать челюсти было бесполезно. Да и устал Николай Николаевич бороться с самим собой. Он хотел спокойно посмотреть, как пройдет эта встреча. Вернее, услышать диалог начальника и его. Вернее, начальника и... непонятно кого.

— Мы как-то не общались с вами, Николай Николаевич, один на один. Расскажите немного о себе.

— А чего рассказывать? Все в личном деле. Вы разве не ознакомились? Плохо. С этого надо было

начинать работу на новом месте. Вы лучше о себе расскажите, как это без профильного образования, без опыта работы в рекламе к нам попали? Вы работали в органах, ловили преступников и вдруг — к нам. Всех преступников переловили?

— Погодите, погодите, Николай Николаевич, как это вы со мной разговариваете?

— А что, я не прав? Я понимаю, у вас побывали начальники отделов, я представляю, как они перед вами расшаркивались, комплименты сыпали, лишь бы вы их на своих местах оставили. А за глаза они говорят то же, что я сказал. И что если бы не тесть ваш, который в администрации замом, вы бы никогда здесь не очутились.

— Слушайте, по-моему, вы палку перегибаете, вы понимаете...

— Да понимаю я все, Алексей Петрович. Понимаю, что такие сотрудники как я, вам не нужны. Вам нужны... Скажите, а что я сказал? Я вас оскорбил? Оклеветал? Я сказал только правду! Скажите хоть что-нибудь, из сказанного мною, что является ложью. И какую я палку перегнул? Да, это неприятно слышать, что я сказал, слышать от подчиненного, но это правда!

Алексей Петрович встал из-за стола, он был возбужден, его руки тряслись. Прошел к столику у окна, налил воды в стакан, выпил. Посмотрел на Николая Николаевича.

— Но и как мы будем с вами дальше работать?

— А вот мне тоже интересно узнать, как вы собираетесь работать. Вот вы пришли из органов. Соблюдали, то есть следили, чтобы соблюдались правила

жизни людей, законы то есть. Преступников за руки ловили. Тех, кто ловчит, людей обманывает. А попали вы, знаете куда? В логово этих ловкачей. Обманщиков. Знаете, чем мы занимаемся? Мы людей обманываем. Вот взять мой отдел. Мы рекламируем мебель фирмы «Кресло». Рекламируем везде: выпускаем буклеты, плакаты, вдоль дорого стоят рекламные щиты, расхваливающие мебель этой фирмы. Что она самая лучшая. А на самом деле? Через полгода мебель ихняя разваливается, и покупатель видит обыкновенные гвозди. И назвать надо эту, так называемую фирму, не «Кресло», а «табуретка», или «пенек»... Ладно, мебель, сломалась, купил другую. А соседний отдел, продуктовый, молоко рекламирует. Рекламирует молоко, которого на самом деле нет. В молоке нет молока! Как могут быть дети здоровыми после этого молока? Вы видели, как молоко делают? Нет? А я видел. Они...

— Ладно, хватит. И что вы предлагаете?

— Почему я? Это вы должны предлагать. Вы должны срочно принять меры, чтобы закрыли нашу контору, которая оболванивает народ, наказывать виновных, как вас учили...

— Послушайте, у вас все нормально с головой?

— А что с моей головой? Опять что не так сказал? Но ведь тех, кто обманывает других, нужно наказывать, не так ли? Ведь вас этому учили! Я сказал вам только правду, и ничего, кроме правды...

Когда голос замолчал, а это был голос Николая Николаевича, он медленно приподнялся и пошел к выходу.

У двери он услышал голос начальника.

— Заявление напишите. Какое, сами знаете.

Николай Николаевич ничего не ответил, вышел.

После работы, когда он возвращался домой, в автобусе его отлаяла кондукторша, когда он сделал ей замечание, что она очень грубо обращается к пассажирам; за углом дома его чуть не поколотили какие-то пьянчужки, когда он им выговорил, что нельзя распивать спиртное на детской площадке.

Николай Николаевич с хмурым лицом медленно шел домой. У дома он встретил дворника. Тот обратился с приветствием: «Добрый вечер, Николай Николаевич!». Но был удивлен ответом.

— Ты делом своим занимайся! Вон, у тебя окурков полно под окнами, а ты с жильцами болтаешь. Что, поговорить охота? А мне нет.

Нелли Павловна встретила у дверей с приветливым голосом: «Здравствуйте, Николай Николаевич!»

— Вы бы убирали за своей собакой. Все углы от нее мокрые, да и какашки ее по всему тротуару». Женщина резко остановилась, будто получила пощечину.

Настроение было испорчено совсем. Ничего с собой Николай Николаевич не мог, да и не хотел. Он так устал.

Единственное, что он хотел, чтобы «тот» не рубанул правду матку его супруге. Николай Николаевич напряженно ел за ужином, боясь, что сейчас из него опять изрыгнется какая-нибудь... правда. Но голоса не было, видимо, «он» тоже устал. Быстро

поев, Николай Николаевич поспешил на диван, включил телевизор.

Когда ложились спать, он уже совсем успокоился, даже перестал думать о своем чужом голосе. Удобно устроившись в кровати, повернувшись к супруге, он был готов моментально уснуть. Но нет. Он услышал свой, то есть свой, но не свой голос.

— Я с работы уволился.

— Чего?! — аж подкинуло супругу.

— Да, еще вот что. Вчера, за пивом с мужиками договорились в субботу на рыбалку махнуть, на два дня. Я ведь с зарплаты немного припрятал, не все тебе отдал. По бутылке водки и по три литра пива будем брать. Костя знает место хорошее. Сказал, банька будет, и, самое главное, будут девки...

«Я тебя
Никогда не брошу»

— Петька, ты проиграл! — Ванька сбросил с плеча мешок, сел на бетонный пол, прислонился к кучке таких же мешков, вытер пот со лба. — Ты на третьем мешке уже начал проигрывать!

А лестничной площадкой ниже слышалось тяжелое дыхание, гулкие шаги Петьки. Потом появился и он сам, положил мешок, рухнул рядом с Ванькой:

— Нет, но скажи, а Двадцать первый век! А мы все на своем горбу! На девятый этаж!

— Хорошо, хоть не на девятнадцатый, — Ванька вытащил пачку сигарет, закурил. Закурил и Петька. Ванька начал размышлять:

— Так, сходили мы по пять раз. Ты — пять, я — пять. Десять мешков. Было сорок. Осталось, значит, тридцать. Еще по пятнадцать раз пробежимся, и все.

— Да, пробежимся... А ведь таджики всю жизнь на такой работе. Мешок — двадцать пять килограммов, это сколько тонн они за свою жизнь перетаскают. Как они выдерживают?

— Думаю, что не выдерживают. Ты видел кого-нибудь из них где-нибудь за сорок? Я не видел.

— Да, в основном молодые. А тому парню, который нам ключи отдавал — я с ним разговорился — вообще семнадцать лет. Он даже в школе не учился толком.

— Им сказать надо, чтобы мочу свою вынесли из нашей комнаты, три банки стоят, пятилитровые.

— Конечно, а я, дурак, сначала подумал, что это пиво.

Они рассмеялись.

Петька загасил сигарету, встал: «Да, придется Ваньку в Бургер Кинг вести».

— А куда тебе деваться, раз проиграл.

— А может, я специально проиграл? У тебя все равно денег нет.

Но Ванька не обиделся, ответил: «А я бы у тебя занял. Мастер через неделю обещал аванс. Я бы и рассчитался».

Петька и Ванька — это учащиеся строительного техникума. Петька высокого роста, спортивного вида, а Вовка — небольшой щупленький паренек. Отучившись почти три года, они вышли на заключительную практику. За два месяца они вдвоем должны оштукатурить стены и выложить плитку в коридоре двух этажей второго подъезда девятнадцатиэтажного дома. На объект они приезжали на автобусе. Сегодня утром, когда они появились на работе, у подъезда стояла машина. Мастер участка, толстый мужик с вечно недовольным лицом, распорядился, чтобы ребята скидали с машины сорок мешков раствора и перетаскали на девятый этаж. Чем и занимались сейчас Петька с Ванькой.

Петька был из этого же города, а Ванька приехал из деревни. Учиться они поступили после девятого класса. Ванька по воле родителей, то есть по воле бабушки, поскольку она была для Ваньки и матерью и отцом, которых он не видел и не знал, а Петька — наоборот, против воли родителей. Родители у него были: отец руководил строительной организацией, а мама работала в аптеке. В девятом классе Петька поссорился с директором школы,

начал грубить ему прямо на школьной линейке, и буквально за месяц до окончания учебного года перестал ходить в школу. А дело было так. Однажды часть школьной территории, на которой пацаны гоняли мяч, огородили, и начались какие-то строительные работы. На расспросы ребяташек, что происходит, никто ничего толком объяснить не мог. Вот и высказал Петька на общешкольной линейке. Отец его, конечно, отругал, договорился, что его примут в другую школу, но Петька пошел учиться в техникум.

А подружился Петька с Ванькой так. На первом курсе, в первые дни, возвращался Петька домой, видит, парни окружили какого-то паренька, за гаражами, и по всей вероятности, судя по эмоциям, приготовились поколотить. Петька узнал своих одноклассников. Подошел, ничего не сказал, увидел лежащую на земле Ванькину кепку, поднял, подал ему: «Пошли». Они пошли, Петька с Ванькой, а ребята так и стояли, ничего не сказали.

— Чего они от тебя хотели?

— Деньги просили.

— Дал?

— Нет, у меня их не было.

— А если бы были, дал?

— А с чего? Хотя, отобрали бы, наверно, их много.

С тех пор и ходили они вместе всегда, Петька с Ванькой.

Когда распределяли на практику, объявили, что шестерых лучших ребят из группы пошлют на строящиеся объекты. И вот уже две недели, каждое утро

Петька с Ванькой встречались в семь тридцать на остановке «Театральная», ехали тридцать пять минут до конца города, где строилось несколько многоэтажных домов. Вся территория, где стояли эти дома, была огорожена высоким забором, на проходной они показывали пропуска, и шли к своему объекту. В доме, где они работали, оставалось выполнить только внутренние работы. В квартирах работали «гастарбайтеры», то есть таджики, узбеки, а практикантам доверили работы только в коридоре.

Ванька все считал, сколько он заработает денег за эти два месяца. А отец Петьки разорился дома: «Но надо же быть таким дураком! Я же тебе говорил: не в моей организации, так в другой, договорюсь, походишь пару недель, бумажки поберебрираешь в конторе, дадут тебе справку, что ты практику прошел!»

Петька отвечал: «Не нужна мне твоя помощь!»

— Так я тебе же лучше хочу! Черт с тобой, иди, меси раствор, гробь свое здоровье.

— Как ты так говоришь, Степан? — заступалась за сына мама. — Это же твой сын!

— Поэтому и говорю, что сын! — кипятился отец. — Был бы... Эх..., — махнув рукой, он удалялся в свой кабинет.

Работа на объекте давалась не так легко, как им показалось вначале. Вроде бы те же работы, которые они делали на практических занятиях: стену оштукатурить, плитку на полу выложить. Но там, в техникуме, все под присмотром Галины Ивановны,

преподавателя по практике: она подскажет, как лучше начинать класть плитку на полу, настроит плиткорез, объяснит, почему ровным слоем не ложится раствор на стену, сама покажет. А здесь толстый мастер только и знает, что недостатки выискивать. На днях почти в половине коридора заставил плитку снова содрать, что-то не понравилось. А раствор-то уже схватился, пришлось долбить...

Но после работы им нравилось ходить в кафе, Бургер-Кинг. Развалившись на мягких креслах со спинками, они, широко открывая рты, откусывали от слоеных пирожков, запивали сладким соком, улыбались. Рассчитывался в основном Петька, деньги у него водились. Потом они шли к остановке, на ходу курили.

Так прошел месяц, прошел и другой. Со своей работой ребята справились в срок, даже чуть пораньше. Денег им заплатили в два раза меньше, чем рассчитал Ванька. Он возмущался:

— Жулики! Крохоборы! Никаких бумаг, нигде мы не расписались, просто принесли в кармане, это что? Петька, пожалуйста отцу, он же начальник у тебя! Пусть разберется.

Но Петька и не возмущался: «Я знал. Отец говорил мне, что нам копейки заплатят. Здесь все так делают».

— Но должна же быть справедливость где-то. В Москву пусть позвонит, ты ведь говоришь, он часто в Москву ездит, есть же у него там знакомые.

— Я же тебе рассказывал Ванька, отец был против, чтобы я пошел сюда работать. Он все знал, чем закончится.

— А зачем ты тогда пошел?

— Из-за тебя... И деньги... Забери мою долю. Получится ровно столько, на что ты рассчитывал.

— Ты что, сдурел? Убери деньги!

— Я и родителям сказал, что я не из-за денег иду работать, когда отец сказал, что мне много не заплатят. У меня есть, кто поможет: и мать, и отец. А у тебя бабушка одна, да и то вроде болеет.

— Да, она старенькая уже. Она и настояла, чтобы я поскорее профессию какую-нибудь получил, учиться отправила. Помогает со своей пенсии, да кого, маленькая она, пенсия-то.

— Да, тебе маленько еще попрактиковаться, у тебя неплохо получается, и штукатурить, и плитку класть. Потом самостоятельно работать. А не на этих барыг.

— Но это уже только после армии, осенью меня заберут.

— Я бы тоже пошел, да не хватает двух месяцев мне. До восемнадцати.

— А ты учись дальше. Тебе есть, кому помочь. Ты, говоришь, экзамены сдал?

— Да, родители настояли. С сентября студентом буду. Только неохота учиться, не знаю, нет желания.

Действительно, осенью Петька стал ходить в университет. Новые впечатления, новые знакомые, лекции, студенческие тусовки... Но с Ванькой созванивались. Он оставался в деревне, с бабушкой. Делились новостями, вспоминали учебу в техникуме, практику.

Осенью Ваньку забрали а армию, как он и предполагал. Несколько раз он присылал Петьке фотографии на телефон. В военной форме. С автоматом.

Около танка, в форме танкиста. Служил где-то на Дальнем Востоке.

Потом прошла зима, наступила весна.

Как-то у Петьки зазвонил телефон. Отобразился незнакомый номер.

— Да, я слушаю.

— Петька, привет!

— Это... это ты, Ванька? Привет, дорогой, привет!

— Здравствуй, Петька, здравствуй!

— Сколько не созванивались, месяца три. Я раза два тебе звонил, не дозвонился. Ну, рассказывай, как служба, где ты? Не послали в горячую точку? Ты в последнее время где-то на востоке был? Теперь где?

— Потом с востока в Курск кинули. А теперь я в Питере.

— В Санкт-Петербурге? Здорово! «Аврору» посмотришь, Эрмитаж.

— Да в госпитале я.

— А-а, понятно, заболел. Но ничего, выздоровеешь, вернешься, объекты тебя ждут в городе. Помнишь, как я удивлялся, как ты ловко рукой работал, с мастерком. Соревновались, помнишь, на время, кто быстрее полведра раствора на стену забросает. У тебя аккуратнее всегда получалось, и быстрее. Я всегда проигрывал.

— Петька... ты Петька... теперь всегда будешь выигрывать. Отрезали у меня руку...

— Как — отрезали?!

— Ранение... Осколок большой. Выше локтя отрезали...

— Да ты что, Ванька. А как же... Отрезали левую?

— Нет, правую...

— Эх, Ванька, Ванька... Как же так... Значит тебя кинули туда. Понятно... Что-то мне нехорошо, Ванька, дай, я куда-нибудь присяду. Я на улице, вот, на лавочку присяду... Но что я скажу. Ничего, Вань, научись левой работать. Говорят же, если человек теряет одну руку, все то, что он делал этой рукой, переходит на другую. Только потренироваться надо.

— Да не получится, Петька.левой рукой надо будет костыль держать.

— Костыль? А зачем костыль? А, Ванька?

— У меня одной ноги нет. Тоже отрезали.

— Да ты что, Ваня?!

— Да, Петька, да... Ты что, плачешь? Не плачь, я и то не плачу.

— Да, я плачу, Вань. Плачу... Как же так, как случилось-то?

— Колонну нашу стали обстреливать, снаряд попал в наш танк, он остановился, экипаж наш — четверо было, выскочили из танка, и тут второй снаряд. Я потерял сознание. Теперь вот, в Питере.

— Ой, Ваня, я не могу ... говорить, я тебе позвоню, на этот номер?

— Да.

Петька созванивался с Ванькой каждый день. Старался подбодрить друга, но нужные слова не находились. Выяснилось, что у Ваньки бабушка умерла. Лежит Ванька в военном госпитале уже больше месяца. Ему сделали уже четыре операции. Предстояло еще. Неизвестно, сколько.

...Однажды вечером, на кухне, у отца и матери Пети состоялся такой разговор.

— Степан, а Петька-то наш меняется. Курить бросил, снова ходит на секцию, как она называется... штангу тягает...

— Пауэрлифтинг.

— Да. И вечерами уже не пропадает, над учебниками сидит.

— Да, я заметил. Ума набирается, растет. Когда-то же он должен поумнеть.

А Ванька с Петькой в последний раз говорили вот о чем.

— Да что там, Петька. Теперь-то я уже точно никому не нужен. Ни ноги, ни руки. Родственников нет.

— Ты давай, не хандри. «Не нужен он никому»! Я тебя никогда не брошу. Протезы можно сделать, и на руку, и на ногу. Мы с тобой еще попляшем.

— Здесь протезы нужны серьезные. Говорят, современные, импортные, очень дорогие. И всем подряд они не достаются. Парень рассказывал, что мы в общем госпитале лежим, а есть элитные, скажем так, не для простых. Сам понимаешь, кто туда попадает. Там и протезы...

Через несколько дней Петька зашел в кабинет отца, сел на стул и посмотрел на него.

Отец оторвался от бумаг, бросил удивленный взгляд на сына, спросил: «Что-то хотел?»

— Папа, мне нужна твоя помощь...

«Дай им Бог...»

— Интернат наш находится на краю села, можно даже сказать, далеко от села, в лесу. Кругом красиво, деревья растут, воздух чистый, дышится легко, да и спокойно здесь. Оказалась я здесь, вот, уже шесть месяцев, как. Ноги перестали почти ходить, меня и определили сюда. Здесь нас человек тридцать, большинство женщин, или, правильнее, бабушек. Хотя, конечно, в первую очередь, мы, наверное, женщины. Хотя... какие женщины. Старушки дряхлые, вроде меня. Лет около восьмидесяти, или и того больше. Мне, вот, скоро семьдесят девять будет. Так вот, нас, женщин, или бабушек — пусть будет бабушек, так вернее — большинство. Сразу-то и не посчитаю, сколько. А мужчин, нет, будем говорить — дедушек, всего восемь человек. Тоже, в годах, но как, в годах, сколько будет в этих вот, «в годах»?... вот Петру Николаевичу на днях девяносто стукнуло. Стукнуло, а до сих пор живой. Ходит, анекдоты травит, над нами, бабушками, подшучивает. Они все почти ходячие, деды-то, только Иван лежачий, совсем плохой, недавно привезли. А нас, лежачих бабушек, четверо. Вместе со мной. Я-то совсем лежачей недавно стала, недели две как. А до этого ходила, правда, с костылями. Правая нога еще крепилась, сама до туалета добредала. Но однажды не успела, обе ноги отказали по дороге. Шуму было! Санитарка орала на весь интернат. Может быть, тоже права. Ей убираться-то с моим... Но теперь я совсем лежачая. Я на койке, утка под койкой. Еду санитарки приносят. Кормят хорошо, три раза. В основном каши, иногда мясо бывает, редко. Но нам много ли надо. Немного поклюешь, и сыта, вроде бы.

Неудобно то, что наша комната у всех на виду. Но, как, на виду. В интернате больших помещений два, в одном столовая, в другом мы лежим. Четыре человека. Между нашей комнатой и столовой только перегородка, до половины. Ни дверей, ничего. А за нашей комнатой идет коридор, там уже отдельные комнаты, уже с дверями. Тоже по четверо живут.

Я про дедушек начала. Они в двух комнатах живут. С Петром Николаевичем живут его родственник — Николай и два брата, Савелий с Иван Ивановичем. Иван Иванович постарше Савелия и пошустрее.

В другой комнате тоже есть Иван, я про него говорила, он лежачий, а трое других ходячие. Одного зову Никифор, другого Пантелей, а третьего Егор.

Что касается женщин. Со мной в этой проходной комнате трое. Одна Степанида, она мне иногда еду приносит, когда санитарка не успевает, вторая — Зинаида, шустрая такая. А третья, я даже имени ее не знаю, все время в черном платке ходит. И постоянно молится. Что-то на своем бормочет. Ни с кем не разговаривает, или сидит молча, или молится. Про других бабушек, сколько там их остается, я даже и не скажу толком. Да, про мужчин лучше знаю. Да не в том дело, что их мало. Ведь как обычно говорят: мужики на баб заглядываются. Неправда это, вернее, правда, но не вся. Бабы на мужиков тоже заглядываются. Так же, а может, и более. Так что и мои глаза на этих дедов, то есть на мужскую половину, по привычке, больше таращатся, чем на бабушек, прости меня, господи.

А что, недавно у нас и свадьба была. Моя соседка, Зинаида, понравилась Пантелею. Как положено, свадьбу сыграли, в столовой. Посадили рядом, все с ними стаканами с чаем чокались. Но потом они на развод подали. Через два дня. «Не сошлись характерами». Надо же! Не сошлись они характерами. К восьмидесяти годам у них еще характеры остались. Но мы их заявления не приняли. У нас здесь ЗАГСа нет, некому документы оформлять про их развод. По той же причине и свидетельства о браке им мы не выдавали. А какой может быть развод, если документа о браке нет. Так и ходят они теперь, мужем и женой. Только отдельно. Смех и грех. Все шутки, конечно. А когда сегодня молодые действительно закатывают пышные свадьбы, а через несколько месяцев разводятся, тут уж плакать хочется. А у Зинаиды муж был, и у Пантелея жена была. Померли.

У меня муж тоже помер. Рано, в шестьдесят лет. Юбилей справил, и помер, раза два только пенсию получил. Он у меня кузнецом работал, в совхозе. Вроде и не болел сильно-то. Выпивал, да, а как без этого, кроме своей работы заказы от людей примет, не отказывал никому. А какие заказы без бутылочки. Нет, алкоголиком он не был, и когда выпьет, меня никогда не бил. Наоборот, добрым становился. Сейчас так и живу без него, уже второй десяток заканчивается. Появлялся один, вроде мужик неплохой, вдовец. Пожили вместе немного. Но потом ушел, к детям. Чужой есть чужой.

А сама я на разных работах работала. Не училась нигде, родителям надо было помогать, работать пошла после восьмилетки. На ферму. И скотницей была, и дояркой, потом полы мыла в конторе. Так и жизнь прошла.

С мужем двоих детей вырастили. Дочь и сына. Постарели они тоже, скоро на пенсию. Дочь в Кемерово живет. Несколько раз замужем была, но детей так и не завела. Сына Колей зовут, здесь живет, в райцентре, как и я, сорок километров отсюда. Шоферит. Жена его в магазине работает, двое детей — внуки мои, один в городе живет, мужик уже взрослый, своя семья. А дочь, Катька, у Коли живет, замужем была раза два, теперь одна. Но двоих детей родила, Машку с Сашкой. Получается, правнуки мне. Я с ними и водилась, пока шевелилась. Да и Катьку, можно сказать, я вырастила. Получается, у детей моих внуки уже, мне правнуки. Я когда еще ходила, в своем доме жила, правнуки, Катькины дети, все время у меня. А когда совсем с ногами плохо стало, Коля меня сюда, в интернат определил. Я сперва не хотела, а куда деваться. В первые дни плохо было, скучала очень, ночами подушку мочила. Слезами. Домой хотелось. А куда? Коля сказал, что дом наш он продал. Я всю ночь проревела. А потом поняла, что он прав. Дом старый, большой, ремонта требует. А ногам моим когда станет лучше? И станет ли...

А так, здесь хорошо. Тепло, весело. Правда, иногда бывает грустно. Примерно раз в месяц из нас кого-то забирают. Уже четвертого, или четвертую, пока я

здесь живу. И за обедом встанет Петр Николаевич, подымет стакан с чаем и скажет: «Помянем...».

Кто ходячий, гулять ходит, на улицу, воздухом дышит, на лес смотрит. Но ходить только внутри ограды можно, а ограда высокая, металлическая, а ворота и калитка всегда на замке. В общем, как в тюрь... ой, что я говорю, дура старая. Конечно, здесь лучше, лучше.

Я, как слегла, на улицу больше не хожу. Не могу. Только иногда встану на костыли, около кровати, и посмотрю, что там за окном творится. Только много ли увидишь. Ноги устанут, снова на койку, будь она не ладна.

Иногда к нам приезжают артисты с концертами. В столовой раздвигают столы, рассаживают всех и идет концерт. В нашей комнате остаюсь только я одна. В кровати. А это даже лучше. Артисты готовятся к номерам и переодеваются в нашей комнате, я их всех вижу. Одна артистка присела к моей кровати, так и сидела, на меня смотрела. Потом пошла петь. А после концерта оставила мне свой платочек. Примерно такой же, какой мне подарил Коля, на Новый Год.

Но самым радостным днем для нас является пятое число каждого месяца. В это день весь двор нашего интерната заполняется многочисленными машинами. Иномарками. Крутыми, как говорит молодежь. Нам привозят пенсию. Нет, не пенсию машинами привозят, а родственники наши съезжаются. Половину пенсии с нас удерживают за проживание в интернате, а половину нам выдают на руки.

Работница из пенсионного обходит все комнаты, и по ведомости выдает деньги. Когда она уходит, к нам запускают наших родственников. Это могут быть и взрослые мужчины и женщины, и молодые, и совсем ребятишки. Может, правнуки, или еще дальше. Они приносят какие-нибудь подарки, немного побудут, заберут деньги у стариков, и уедут. А жильцы интерната еще долго будут возбужденно говорить друг другу, кто к ним приезжал, и какой подарок они принесли. И долго будут радоваться.

Коля тоже приходит пятого числа, а иногда и его супруга, на своей машине, с внуками, если Коля в отъезде. В прошлый раз Машку запустили, ведь к нам к каждому только одного запускают, больше нельзя. В следующий раз, пятого, уже получается, сентября, Сашка зайдет. Вот, жду, соскучилась по нему.

Катька сначала приходила, но потом Колька сказал, чтобы я ей деньги не давала. Все равно использует, знамо, куда. Никак это дело не бросит. Я и не стала давать. Катька ходить и перестала.

Колька сказал, чтобы я остаток пенсии всю им отдавала. Я с ним согласна, зачем мне деньги, они нужнее им, моим родным.

Дай Бог им здоровья...

Без на кругу

Девочка смотрела в окно. Это было ее любимым, чуть ли не единственным занятием. А за окном взору открывалась большая школа, а перед школой была спортивная площадка. В середине спортивной площадки была хоккейная коробка, сколоченная из досок, а вокруг коробки беговая дорожка.

С высоты ее пятого этажа всё, что происходило на спортивной площадке, было видно как на ладони. Вся территория школы была огорожена высоким металлическим забором, который имел два входа, с двух противоположных сторон: на одной стороне большие ворота с калиткой, на другой — только калитка. Дом окружали высокие дома, они растянулись и далеко за школой.

В этот дом они с мамой переехали недавно, полгода назад. И за эти полгода девочка изучила жизнь школы, режим ее, досконально. Часов в шесть утра сторож, или, вернее, охранник, в черной служебной форме, выходил из школы, шел к калиткам, открывал замки, гремя цепями, осматривал территорию, и возвращался в школу. Через полчаса—час появлялись первые посетители, наверное, какие-то работники, технички, может быть. Или преподаватели. А позже потихоньку, по одному, по несколько появлялись девочки, мальчики, слышались веселые выкрики, потом их становилось больше, и вся территория школы заполнялась детскими голосами. А потом детей снова становилось меньше, и по торопливо бегущим в школу ученикам можно было догадаться, что уроки уже начались или начнутся с минуты на минуту. На переменах территория

школы снова заполнялась учениками, преимущественно младших классов; они бегали друг за дружкой, кричали, веселились, их голоса, звонкие и радостные, были слышны, даже если окна были закрыты. И продолжалось это целый день. В школе учились в две смены, и с утра до самого вечера со школы будет слышен шум ребятишек, затихая на время проведения уроков. А если закончатся уроки, вечером, все равно будут слышны детские голоса, потому что пришли погулять с маленькими детьми молодые мамы и папы. Какой-нибудь карапуз начнет с криком бежать за мячиком в хоккейной коробке, или начнет орать на весь мир, взывая о помощи маму, упавшая, споткнувшись, девочка двух-трех лет. И только часам к десяти вечера территория школы опустеет, погаснут в кабинетах огни, уйдут последние учителя и работники школы; пройдет снова охранник по утреннему маршруту, закроет калитки на замки и скроется в своей уставшей за день школе, в которой будет гореть свет только в коридорах.

Но больше всего девочке нравилось наблюдать, что происходит на спортивной площадке. И ее огорчало, что там ничего особенного не происходит. Оказавшись впервые в этом районе города, в этой квартире зимой, она увидела занесенную снегом хоккейную коробку. Да и всю спортивную площадку. Так за зиму ее никто не почистил, так и не увидела она, чтобы в хоккейной коробке был залит каток. И беговая дорожка вокруг хоккейной коробки тоже никого не привлекла: пытались две

бабушки с палочками проторить тропинку, ходили несколько дней по дорожке, но после очередного снегопада и они исчезли. Когда наступила весна, и растаял снег, девочка надеялась, что теперь уж точно появятся многочисленные бегуны на площадке. Но нет. На площадке бегали только ребята младших классов на переменах, а занятия по физкультуре, видимо, проводились в школе. Только два раза за все это время она видела, что проводятся какие-то школьные спортивные мероприятия на спортивной площадке.

Но бегуны на площадке все-таки были. То появятся бабушки с палочками, увлекающиеся скандинавской ходьбой, только это скорее, ходуны, чем бегуны, то какая-нибудь парочка семейная, видимо, после рабочего дня, пробежится по кругу пару раз, и с веселым настроением покинет площадку. С веселым, потому что полный мужчина средних лет, с весьма отчетливо округлившимся животом, то и дело останавливался, наклонялся, упирался руками на колени и что-то весело кричал супруге. Она ему махала рукой: давай, давай, мол, не халтурь! Иногда появлялись парни и девушки, сразу было видно, что они занимаются каким-то видом спорта. Но не бегом, девочка по их движениям определяла, бегуны они или нет.

Она сама несколько лет ходила в спортивную секцию по легкой атлетике. На школьных соревнованиях по бегу она всегда прибегала первой. Преподаватель физкультуры дал ей телефон тренера по легкой атлетике, и она три года занималась в

группе бегунов, ездила три раза в неделю на автобусе к концу города, где находился стадион «Динамо». На городских и областных соревнованиях она занимала призовые места, ездила на окружные соревнования, один раз даже съездила на российские, в Чебоксары. Всегда участвовала в городских эстафетах и пробегах. И в последний раз, этот день она хорошо помнит, 9 Мая, она принимала участие в ежегодной эстафете. Приняв эстафетную палочку на своем этапе, она обогнала нескольких соперниц, свернула за дом и только успела заметить, как вылетела какая-то машина из переулка и прямо на нее... Больше она ничего не помнила. Позже ей рассказывали, что за рулем был пьяный, организаторы не досмотрели... Ей-то от этого не легче. Она моталась по больницам. Вернее, ее возили. То в одну, то в другую. Неделями, месяцами больничные койки, таблетки, капельницы, операции...

И вот теперь, спустя полтора года после того майского дня, она сидела в инвалидной коляске и смотрела на школьный двор. Руками она могла двигать коляску, а ноги не слушались ее совсем. С помощью рук она могла перелезть с коляски на диван или койку, и наоборот. А на ноги она не могла встать, даже на колени не получалось. Она часами массировала ноги, пыталась хоть как-то шевельнуть ими, но тщетно. Некогда сильные и упругие мышцы ног сделались дряблыми и маленькими.

И в первую очередь, глядя на редких бегущих по беговой дорожке бегунов, она сразу смотрела на их ноги. И сразу определяла, занимается или занимался

ли этот человек бегом. И если видела, что нет, она мысленно подсказывала этому бегущему, как нужно держать тело, как начинать бег, как работать руками. Ей казалось, что она там, на спортивной площадке. Она делала, так же мысленно, замечание толстому горе-бегуну, хвалила, что сегодня у него получается лучше, чем в первый раз, в следующий раз будет еще лучше. Но следующего раза не происходило, бегун больше не появлялся. Но приходили другие. Девочка опять на расстоянии подсказывала им, как бегать, но появившись раза два-три, они тоже исчезали. И девочка ждала других. С другими было то же самое.

Но был один постоянный, был. Это был дедушка, лет семидесяти, с совершенно белыми волосами. Ему «подсказывать» девочке не приходилось. Он не начинал бегать сломя голову, как многие. Сначала круга два-три он шел, правда, быстрым шагом. Разминал руки, на ходу делал круговые движения руками, головой. Потом начинал бежать. Темп бега у него был один, что в начале бега, что в конце. И не очень быстрый. Некоторые молодые, которые бежали по дорожке, обгоняли дедушку, но, когда запыхавшись, останавливались после пары кругов, дед продолжал бежать. После бега он делал различные упражнения, висел на турнике. Потом уходил домой. Выйдя из территории школы, он сворачивал в сторону второго высокого дома.

Читая книжки, или делая уроки, девочка постоянно поглядывала в окно, чтобы узнать, не появился ли «дед-бегун». Так она его назвала. Но без иронии. Она видела, что этот человек понимает

толк в беге. И она почти не сомневалась, что раньше, в молодости, этот человек занимался именно бегом. Она примерно знала, в какой день он появится на площадке. А появлялся он не очень часто, раза два в неделю. И если он бегал, например, сегодня, то его два — три дня не будет. Но девочка все равно поглядывала в окно: мало ли. Иногда он не появлялся дней пять. И на четвертый и пятый день девочка уже не сводила глаз с окна. И облегченно вздыхала, когда со стороны второго дома появлялась знакомая фигура с белыми волосами на голове. И, не отрываясь, наблюдала за ним, пока он не исчезал за углом после тренировки. И девочке было радостно и хорошо, как будто сама вместе с ним провела тренировку на площадке.

Но однажды дед Бегун не появился больше недели. Девочка не находила себе места, быстро покушав, она скорее катилась к окну, осматривала школьный двор. Хоккейную коробку, беговую дорожку, площадку со спортивными снарядами... Но деда не было. Были какие-то школьники, кто-то бегал по дорожке, но девочка не замечала их. Она искала знакомую фигуру, которую она узнала бы с полувзгляда.

Пошло две недели. Не было часа, чтобы она не глянула в окно. Она отвлекалась, как могла: пыталась читать книги, смотреть мультики, делать уроки. Но прочитав полстраницы, она не могла вспомнить, о чем она читала, бросала книгу, бралась за уроки — она их запустила, потом переключалась на телевизор, но вскоре выключала его, совсем ее не интересовало то, что там происходит.

Стали приходить в голову нехорошие мысли. А когда однажды утром у второго дома стали собираться машины, люди, ей стало совсем не по себе. К обеду из-за угла второго дома выехали две машины: одна темная, микроавтобус, и небольшой грузовичок. За этими двумя машинами шли люди, их было много, человек сорок — пятьдесят. Они постояли, потом пошли: одни к стоящему поодаль автобусу, другие в свои машины. Девочка все поняла...

Прошло около месяца. Девочка плохо соображала, как прошли эти дни. Все «валилось из рук». Она не могла заняться чем-то одним. Начинала, бросала, бралась за другое, снова бросала... Все поглядывала в окно по привычке. Там появлялись новые бегуны, но появившись несколько раз, исчезали. На смену им приходили другие. Но девочку это не трогало. Она, скользнув по школьной площадке взглядом, равнодушно отводила его от окна. Потом совсем мало стала смотреть в окно. Так, иногда глянет, когда надо или чтобы шторы раздвинуть, или открыть форточку.

И сегодня, подкатившись в коляске к окну, она взяла лыжную палку, которая стояла всегда у окна, прикрыла форточку, и уже отъезжая, мельком кинула взгляд в окно. Но что это? Вернее, кто?! По беговой дорожке бежал дед Бегун! Как?! Он же... Может, ошибка, может, другой? Но девочка из тысяч людей могла бы безошибочно определить этого деда. Тем более, когда он бежит. Эти движения, это положение рук, перестановки ног она знала до мелочей. Они ей снились. Это он!

Девочка решила поближе подкатить коляску. Но что такое? Коляска стояла в стороне. А она стояла на полу! На ногах! Девочка протерла руками лицо, снова посмотрела на коляску, в окно. Стало вдруг плохо видно, она снова протерла глаза, руки ее стали мокрыми, она вытирала глаза, но слезы лились и лились из ее глаз. Она осторожно сделала шаг к окну. У нее получилось! Сделала второй шаг и сразу же уперлась руками об подоконник, потому что ноги сразу ослабели, но держали.

Она так и стояла у окна. Улыбалась. А из глаз каптились слезы. Теперь она их не вытирала. Она смеялась, всхлипывала и плакала. Смеялась и плакала одновременно.

А за окном, по беговой дорожке в своем темпе бежал дед, на бегу развевались на его голове совершенно белые волосы.

Это был ее дед Бегун.

Воробьи

— Пашка, я устал, — мальчик лет пяти — шести остановился, он тяжело дышал.

— Хорошо, спустимся в овраг, передохнем, — ответил мальчик постарше — подросток, свернул к оврагу, выбрал место, где трава погуще, лег на спину. Рядом лег и его попутчик, это был его брат.

Это воспитанники детдома села Уголок, братья Воробьевы: Пашка, пятнадцати лет и Васька, шести лет. А из детдома они сбежали. Под утро, часа в четыре Пашка тихо, чтобы не разбудить няnek, прошел в комнату Васьки, разбудил его, и они вышли во двор. Чтобы выйти на улицу, имелось два выхода: парадный, так сказать, и запасной, или аварийный. Они вышли через аварийный. Осторожно, чтобы не шуметь, Пашка приподнял крючок, сделанный из толстого гвоздя, тихо, чуть приподняв — чтобы не скрипела — открыл дверь, вышел сам, подождал, пока выйдет Васька, также тихо прикрыл дверь. Они направились к забору.

Детдом, имеющий три здания, если не считать сарая и туалета, был огорожен высоким забором из тесины. Здание, из которого вышли мальчишки, было спальным корпусом, чуть поодаль была столовая, а рядом с ней школа. Все эти три здания были уже старыми, из деревянных бревен, а небольшая столовая была чуть покосившейся. Целый день внутри этого забора кипела детская жизнь. Дети утром выбегали на улицу: на зарядку, в туалет, умыться; потом бежали в столовую, потом снова в спальный корпус, через некоторое время — в школу. И всё бегом, обгоняя друг друга; мальчишки

на ходу дергали за косы девчонок, девчонки давали отпор, гнались за обидчиками. Детский смех, шум, выкрики продолжались целый день, прерываясь на уроки; и становилось тихо во всем детдоме только поздно вечером, когда нянькам удавалось уговорить всех маленьких обитателей детдома.

Пашка быстро и уверенно направился к забору. Он был высоким, тесины плотно были прибиты друг к другу, и перелезть через забор было очень трудно, тем более, сейчас, когда любой шум может привлечь внимание няnek, которые спят в комнатухе около главного входа. Но Пашка знал, куда идти.

Нечасто, но бывало и так, что дети сбегали из детдома. Очутиться за забором можно было несколькими путями. Первый — через парадный, главный, вход. Забор примыкал к двум сторонам входной двери спального корпуса так, что, выйдя через эту дверь, оказываешься сразу на улице. Забор начинался, можно сказать, у парадного входа, и тут же и заканчивался. Слева от двери — начало забора, справа — конец. Или наоборот. Учителя, няньки, воспитатели, повара детдома — все приходили и уходили через этот вход. Если нужно в школу или столовую, нужно пройти через спальный корпус и выйти через второй вход. Попасть на улицу через главный вход без разрешения не получится. У парадного входа всегда сидит за столом одна из няnek, которая не даст и мышке проскользнуть, не то, что детдомовцам выйти. А ночью дверь закрывается на крючок, нянька уходит в комнату

рядышком, а поскольку дверь в эту комнату всегда открыта и входная дверь всегда под присмотром, удрать через этот вход не получится. Выходят, конечно, детдомовцы, этим путем в мир, но только с учителями или воспитателями: на экскурсию, на речку — купаться, или еще куда. Есть еще один путь оказаться за забором. Это большие ворота, которые открываются, когда машина привозит дрова, продукты, или когда водовоз заезжает. Но ключи от ворот у завхоза дяди Никиты, строгого пожилого мужчины в очках, который никогда не допустит, чтобы ворота остались открытыми. На этом, пожалуй, и заканчивается количество законных путей очутиться на свободе обитателям детдома. И, разумеется, они начинают искать другие пути. Чтобы, оказавшись за забором, залезть в чей-нибудь огород — нарвать морковки, прошвырнуться по магазинам, подраться с местными хулиганами — мало ли причин — или сбежать, на худой конец.

Один из вариантов был такой: в заборе выдергиваются нижние концы пары тесин из прожилин, гвозди сгибаются и доски возвращаются на место. Со стороны все чинно, забор как забор, но стоит отодвинуть эти доски снизу в стороны, и вот, пожалуйста — дырка в заборе, а за ним — свобода. Конечно, об этой хитрости знал и персонал, и дядя Никита, матерясь, приносил ящик с инструментами и заколачивал доски. Заканчивал работу, проверял остальные тесины. Но через несколько дней все повторялось.

Пашка накануне вечером куском арматуры освободил две доски, и теперь уверенно шел к ним.

Да, доски оказались свободными внизу, никто их обратно не прибил, да и кто прибьет, завхоза ночью не бывает. Пропустив первым Ваську, придерживая доски, он пролез сам, окинул взглядом территорию в последний раз, вернул доски в первоначальное положение, сказал тихо: «Пошли». Нужно было торопиться. Уже светало, и им нужно было скорее покинуть село. Пашка знал, что время от времени няньки ходят, проверяют. Они заметят, что крючок открыт, начнут проверять комнаты. Обнаружат, что нет Воробьевых, позвонят в милицию, подымут весь персонал, пойдут искать. На дорогу, на остановку. Несколько раз таких же беглецов возвращали в тот же день. Высаживали из автобуса, ловили на дороге. А потом наказывали. Выстроят всех, из чьей комнаты беглец, и заставляют стоять. Час, два, три... Пока виновник прощения не попросит. Как-то сбежал из комнаты, где жил Пашка, Колька Черепанов. Поймали его на дороге, попутку ловил. Так построила тогда Маргарита Сергеевна, директор детдома, мальчишек комнаты, двенадцать человек вместе с Колькой, и сказала: «Ну что, Черепанов, проси прощения у меня, у ребят своих, говори, что не будешь снова сбегать». А тот отвечает: «Я все равно сбегаю». «Марго» (такая у директора была кличка среди детдомовских ребятишек) посмотрела на него, прошла перед строем, сказала: «Ладно, пусть ребята стоят, я через час вернусь, подумай». Когда она ушла, стоят пацаны, переговариваются тихо. Тихо, потому что «Марго»

наказала няне Вере смотреть, чтобы они не разговаривали и никто не садился. Колька хотел извиниться, когда она придет, но ребяташки не разрешили. Пашка сказал: «И не вздумай». А когда пришла «Марго», она ничего не добила. Колька опять отказался извиняться. «Ладно, стойте» — сказала «Марго» и направилась к выходу. Только она вышла из комнаты, у Пашки вырвалось: «Дура!». Женщина это услышала, вернулась: «Кто это сказал?». Никто не ответил. Она повернулась обратно, только скрылась за дверью, как снова: «Дура!». На это раз она уверенно подошла к Пашке: «Повтори!». Тот молчал. «Марго» зло бросила: «Что, в спину можно, Воробьев, а в глаза, всё, вся смелость пропала? Так кто я?». «Дура!». За ответом Пашки последовала звонкая пощечина, его голова откинута в сторону. Мгновенье стояла тишина, потом вдруг Пашка набрал воздуха в грудь, и громкие слова в крике, чуть ли не переходящем в плач, наверное, раздались во всем спальном корпусе: «Дура! Ду-ра! Ду-ра!». Неожиданно Пашку подхватили рядом стоящие пацаны, один, потом второй, потом уже несколько, и конце уже все: «Ду-ра! Ду-ра! Ду-ра!». «Марго» закричала: «А ну перестаньте!». Подбежала к одному подростку, ударила его по щеке, к другому, тоже пощечину влепила, к остальным, так же с пощечинами. Но только чуть откидывались головы ребяташек, а уже совсем громкое и стройное «Ду-ра! Ду-ра! Ду-ра!» уже было ничем не остановить. «Марго» вылетела из корпуса на улицу, но ее догоняли и здесь эти слова: «Ду-ра! Ду-ра! Ду-ра!».

Это было слышно по всей территории детдома. А няня Вера сидела за своим столом у дверей и плакала...

У Пашки был план, план побега. Нужно идти в город. Но они не пойдут на дорогу, не пойдут на автобусную остановку. Они пойдут через гору. Петька знал эту дорогу, года три назад водил учитель географии их в город. Но на это ушел целый день. От села Уголок до города километров тридцать, а через гору и того меньше. Но идти надо будет дольше, по тропинке с подъемами и спусками идти — не то, что по асфальту шлепать. На дорогу он решил не соваться по ясным причинам, да и денег у них не было.

Огородами они вышли к горе. Перешли дорогу и пошли в гору. Вскоре они скрылись за горой, села не стало видно; они устали, особенно Васька. И вот теперь они лежали на земле, тяжело дышали и смотрели вверх, наблюдая, как проплывают облака. Стало уже совсем светло.

— Пашка, а куда мы идем? — спросил Васька.

— В город.

— А ты мне и не сказал ничего, не предупредил.

— А ты мог проболтаться, и сорвались бы наши планы тогда.

— А в город зачем?

— К отцу.

— А он нас ждет? — Васька приподнялся и посмотрел на брата.

— Ждет, — ответил Пашка.

Но он соврал. Он не знал, ждет ли их отец, и есть ли он в городе. Отца он видел всего два раза. И оба

раза он приезжал в пьяном виде. В первый раз, когда Пашке было лет десять, когда еще Васька в ДOME малютки был, а во второй раз в прошлом году, тоже осенью. С каким-то мужиком на его старой машине, проездом, они куда-то ездили по работе. Отца не пустили в корпус, выпустили только Пашку на улицу, поговорить. Да и поговорить-то толком не получилось, друг отца торопил, сидел за рулем. Пашка хотел Ваську позвать, у них был тихий час, но отец махнул рукой: не надо. Сказал, что заберет Пашку с Васькой через месяц, в город, назвал даже адрес, где живет: Заводская улица, дом номер 4. Но отец не забрал их и через месяц, и через год. И теперь Пашка не знал, что с отцом: может, что случилось, а может, забыл. Он поднялся: «Ладно, пойдем».

После горы тропинка пошла на спуск, стало легче шагать. Кое-где даже были следы машин, видимо, добирались какими-то путями сюда на машинах грибники или ягодники. Перед ребяташками открылась красивая панорама: широкие поля, где-то трава скошена, собраны в стога, а впереди небольшие горы. «Нам нужно две горы преодолеть, и там город, — показал рукой Пашка. — Думаю, к вечеру дойдем». Пашка шел впереди, время от времени останавливался, чтобы подождать отстающего Ваську. А Васька озирался по сторонам, останавливался. То его какой-нибудь цветок заинтересует, то засмотрится на пролетающих птичек.

— Пашка, а почему нас воробьями зовут? — спрашивает он на ходу. Их действительно пацаны

звали «воробьями»: Пашку — Воробей старший, а Ваську — Воробей младший.

— Но у нас же фамилия — Воробьев. Поэтому так и зовут.

— А откуда фамилии берутся?

— Не знаю, может, когда фамилию придумывали, родители были на воробьев похожи.

— Воспитательница, когда мы птиц рисовали, рассказывала про воробьев. Я понял, что это плохие птицы. Воруют.

— А откуда, думаешь, название-то пошло? Увидели, что эта птичка что-то ворует, крикнули: «Бей вора! Вора бей!», вот и получилось: «воробей».

— Все рисовали красивых птиц: орлов, попугаев, а я нарисовал воробья. И меня Наталья Ивановна похвалила, сказала, что мой воробей самым красивым получился.

— Да, ты рисуешь здорово, — Пашка остановился. — Ты даже в школу не пошел, нынче только пойдешь, а рисуешь уже лучше всех в детдоме. Когда ты в прошлом году на конкурсе рисунком в селе первое место занял, тебе краски настоящий художник вручал, сказал, что у тебя большое будущее. Кстати, краски-то сохранились?

— Да я их все пацанам раздал, и краски, и карандаши. Себе два карандаша оставил. Они в тумбочке остались. Красками я рисовать не люблю, да и как не дать, раз пацаны просят. Мы все делимся, если кому конфеты родственники принесут, всем достается. А если я краски не дам, мне в следующий раз конфетку не дадут. Жаль, еще рисунки в тумбочке остались. Ведь я не знал...

— Да ничего, еще нарисуешь, жизнь длинная. Давай, перекурим, как сказал бы дядя Никита. Он, наверное, сейчас собрал своих кочегаров, и рыскают они по селу, нас ищут. Вот, около ручейка и отдохнем, воды попьем.

Перед лесочком, в ложбинке чуть слышно журчал ручей, путники выбрали сухое место, остановились. Они напились воды, потом Пашка вытащил из кармана скомканную пачку сигарет, вытащил одну сигарету, из кармана достал спички, закурил, прилег. А Васька нашел палочку, стал ей что-то чиркать на земле у ручейка. Пашка покурил, полежал немного, приподнялся, посмотрел на небо, искал взглядом солнце. Но его не было видно их-за густых облаков.

— Отдохнули, пойдем дальше, — подошел он к Ваське, все еще возившемуся около ручья. На земле взору Пашки предстала такая картина: в небе облака, чуть ниже бегущая лошадь, за лошадью жеребенок, в широком скачке, со стройными и длинными ногами. А чуть поближе, крупным планом — воробей. Гордый, с приподнятой грудкой, коротким и острым клювом. Пашка заворожено смотрел на эти каракули на земле, не мог оторвать взгляд. Обошел картину со всех сторон, посмотрел на Ваську: «И как это у тебя получается?! Здорово!».

— Нравится? — Васька улыбался и смотрел на брата.

— Да ты гений, Васька! Талант! Но как?! Это же невозможно. И так быстро, — он обнял брата.

— Да я и сам не знаю, — смущенно ответил Васька. — Как будто меня кто-то берет за руку и водит. Чиркаю, чиркаю, а получается лошадь.

— Как красиво все получились, жеребенок как живой. Наталья Ивановна и лошадей учила рисовать?

— Да мы же их сегодня видели, вон там, за лесочком, лошадь с жеребенком. Они паслись, а я их нарисовал, что скачут.

— Да? А я даже и не заметил этих лошадей. Вот поэтому мы и идем в город. Тебе надо учиться в нормальной школе, и сразу в художественную школу поступить. Мне все это, то есть про тебя, тот художник говорил.

— А в нашей школе что?

— А что — в нашей? Девять классов. А художественной школы и в селе нет. Все. Вернее, дальше дорога только в училище. Потом на стройку, кирпичи таскать, или еще куда. Вот — я: закончил девять классов, меня сразу записали в училище, осенью я должен идти учиться на тракториста, в городе. Курить начал. Я знаю многих, кто после нашего детдома и пить начали рано, и некоторые в тюрьму попали, есть и те, кто помер. Или в драке, или еще... Поэтому и едем мы к отцу. Тебе надо учиться...

Пашка еще хотел сказать, что если отца не найдет, учиться в училище он не пойдет, а устроится на работу. Определит Ваську в хорошую школу, и сам будет его обеспечивать. Но вовремя спохватился, ведь он сказал Ваське, что отец их ждет...

— Жрать охота, — Васька тоскливо погладил свой живот. — У нас наверно и завтрак прошел, и обед скоро. Гречневая каша с молоком...

— Потерпи, полпути мы уже прошли, — ответил Пашка.

— Хорошо птичкам, и обед не нужен, и ужин. Полетают, полетают, спустятся на землю, найдут червячков, козявочек, поедят, и сыты. Пашка, а воробьи могут стать орлами?

— Воробьи? Орлами? Конечно, нет. Родился воробьем, воробьем и помрет.

— А если воробей орлом хочет стать?

— Хотеть не вредно. Не станет.

— А мы тоже всю жизнь будем Воробьевыми?

Пашка остановился. Повернулся, посмотрел на Ваську: «А чем тебе фамилия наша не нравится? Хорошая фамилия».

— Я не хочу, как воробьи. Прыгать по земле, воровать, убегать от людей. Я хочу, как орлы, летать высоко-высоко, видеть далеко-далеко.

— Ты и будешь высоко и далеко. Выучишься, будешь большим художником, будешь ездить далеко-далеко, в дальние страны, добираться до них будешь на самолетах, высоко-высоко поднимаясь в небо.

Пашка подошел к Ваське, обнял братишку, прижал к себе: «А фамилия... — что фамилия? Когда-то называли наших предков, то есть фамилию такую дали, может, они были похожи на воробьев, но их дети-то другими могут быть, а дети уже этих детей, может, на орлов будут похожи».

— А ты маму видел? — посмотрел Васька на Пашку.

— Видел, — Пашка отвел взгляд. — Пойдем.

Он опять соврал, не хотел говорить, что маму он не видел ни разу. Когда он в последний раз спросил у отца про нее, тот ответил коротко: «Пьет».

— Когда я в прошлом году заболел и лежал в кровати, — начал вспоминать Васька, — рядом легла няня Вера и обняла меня. Мне было так хорошо, никогда так не было, я тоже ее обнял и так и заснул. А утром был уже совсем здоровым. Потом я сколько раз хотел попросить, чтобы она со мной полежала рядышком, обняла меня, но постеснялся. А ты, Пашка, помнишь, тебя мама обнимала?

— Не помню, — коротко ответил Пашка и ускори́л шаг.

Через некоторое время они увидели небольшое озеро. На берегу стояла машина, рядом с ней палатка. У воды они заметили двух людей, мужчину и женщину, они болтали и ходили по краю озера босиком по воде.

Пашка пригнулся, то же самое сделал и Васька. Они стали наблюдать, притаившись за кустами.

— Как ты думаешь, есть у них что-нибудь пожрать? — шепнул Пашка.

— Не знаю. Наверно, — ответил также тихо Васька.

Они продолжали смотреть. Мужчина с женщиной так и ходили, разговаривали. Васька видел, что Пашка что-то надумал. А у Пашки назревал план. Нужно незаметно добраться до палатки, и посмотреть, есть ли там съестное. «Васька, — он говорил

шепотом. — Сейчас я пойду к палатке, а ты смотри за теми, на берегу. Как только они направятся сюда, подай какой-нибудь знак».

— А какой?

— Не знаю. Крикнешь, или... нет. Вот тебе камешек, кинешь в палатку. Попадешь?

— Да. А может, не надо?

— Что?

— Ну... в палатку, без спроса?

— А сам же говоришь, что жрать хочешь. Да и фамилию надо оправдывать, — он улыбнулся. — Ладно, я пошел.

Пашка, пригнувшись и прячась за палаткой, чтобы не увидели те, на берегу, подошел к палатке. Посмотрел на берег, скрылся в палатке. Но не пробыл он там и нескольких мгновений, как резко открылась дверь машины, и с громкими матерками, выскочив из машины, к палатке побежал высокий мужчина в трусах и майке. Выскочил и Пашка из палатки. В одной руке он держал булку хлеба. Увидев бегущего к нему мужчину, Пашка увернулся было, но тот подставил ногу, и Пашка упал. Булка хлеба отлетела в сторону. «Ах ты, щенок, воровать?!» — крикнул мужчина и бросился на Пашку с кулаками. Пашка успел вскочить, оборонялся, ответил раза два, но силы были не равны. Когда Пашка после очередного удара взрослого дядьки упал, тот уселся на Пашку и стал его осыпать градом ударов с криком: «На! Получай, будешь знать, как воровать!».

Васька сам не понял, как очутился на спине этого дядьки, сделал несколько ударов по его

спине, но поняв, что это все равно, что слону дробинка, резко пригнулся к волосатой ноге противника брата и, что есть силы, укусил эту мясистую ногу. Послышался рев дядьки, он повернулся, хотел откинуть Ваську, но тот не разжимал челюсти, а наоборот сжимал их все крепче. Не прекращая орать, дрыгая ногой, мужчина сильно ударил Ваську по голове, и только тогда Васька разжал челюсти. Мужчина вскочил на ноги и сильно пнул Ваську, тот кубарем полетел в сторону. Дядька кинулся было к нему, но в этот момент уже Пашка поставил ему подножку, да еще подтолкнул. Пока мужик летел и кувыркался, Пашка подбежал в Ваське, приподнял его, и они побежали. К кустам, дальше по тропинке, подальше от этого места. А там подбежали к палатке мужчина и женщина, гулявшие около озера; третий, с раненой ногой, им что-то громко говорил, но этого пацаны уже не слышали. Они торопились, чтобы уйти от погони. Но их никто преследовать не стал.

Немного пробежав, они перешли на шаг, убедившись, что за ними никто не гонится. Да и Васька бежал пригнувшись, держась за живот.

Пашка с Васькой молча прошли немного, решили отдохнуть. Пашка нарвал травы, вытер кровь на лице, но из носа не переставала идти кровь. Он сделал шарик из травы и засунул в ноздрю, которая кровоточила.

А Васька хотел лечь, но сильно заболел живот, он так и остался сидеть, обхватив руками свой живот. Пашка обеспокоенно смотрел на Ваську, спросил: «Как, сильно болит?»

— Болит, — ответил Васька.

Они еще немного посидели, затем решили идти дальше. Васька с трудом приподнялся, но пройдя несколько сотен метров, остановился: «Не могу». Они сели. Васька опять попытался лечь, но опять не смог выпрямиться. Лег на бок, так и лежал, скорчившись. Пашка лихорадочно думал, что делать. Видимо, нужно в больницу. Или в Уголок, или в город. Пашка прикинул, что до города ближе, километров пять всего остается. Но как добраться... «Так, Васька, ты лежи, я побегу обратно, на озеро, у них же машина», — сказал он.

— Убьют они тебя, — ответил тихо Васька.

— Пусть, но тебя в больницу нужно. Ладно, жди, я быстро.

Когда Пашка прибежал к озеру, на берегу не было ни палатки, ни машины, ни людей. Он прошел по берегу, подобрал пустую пластиковую бутылку-полторашку, набрал воды в нее, стал осматривать место, где стояла палатка, в надежде увидеть остатки еды. Но ничего не нашел. Только лежали куски шпагата. Он их подобрал.

Когда он вернулся к Ваське, тот лежал в том же положении. Пашка присел около Васьки: «Как, легче?». «Так же, — тихо ответил Васька. — Отказались?».

— Нету их, уехали. Здесь до города недалеко, будем своим ходом добираться. Ты вот, воды попей, а я буду мастерить что-нибудь, чтобы тебя тащить.

Пашка открыл полторашку, подал Ваське. Тот стал жадно пить, а Пашка пошел мастерить носилки для братишки. Вернее, тащилки, получается.

Он пошел к лесу в поисках подходящих подручных средств. Нашел в лесу две сухие жердинки, наломал веток, притащил все это и стал мастерить. Через час работа была закончена. Пригодился и шпагат, использовал и свой брюшной ремень. Осторожно подняв Ваську, он положил его на ветки кустов и деревьев, которые лежали на двух жердинках и были связаны к ним шпагатом, сам встал между ними, приподнял свое сооружение, уперся животом об свой ремень, который был привязан концами к жердинкам; помогая руками, повернув голову назад, смотря на Ваську, наклонился вперед, сдвинул с места эту тащилку. Она поддалась и потащилась по земле. Конструкция оказалась удачной, Васька чувствовал себя в ней более-менее сносно. Так они прошли несколько сот метров, вернее, прошел Пашка, а Васька проехал. Но когда поляна кончилась, и тропинка зашла в лес, начались проблемы. Тропинку перегородит или упавшее дерево, или какой-нибудь овраг с резким спуском и подъемом. Когда просто идешь, их и не замечаешь. Но сейчас... Пашке приходилось останавливаться, брать на руки и нести Ваську через такие участки, осторожно класть на землю, возвращаться, перетаскивать свою конструкцию через препятствия, снова перекладывать Ваську, снова впрягаться... Пашка чувствовал, что силы его уходят, а преодолевают они таким образом совсем небольшие расстояния. День заканчивался, стало понемногу темнеть.

Пашка заметил, что Васька уже почти не реагировал, как его Пашка поднимает, опускает, не морщился от боли, больше молчал и прикрывал глаза. Только просил воды попить. Временами он становился горячим, как после бани, потом вдруг начинал потеть. Пашка вытирал своей ладонью пот со лба Васьки, а лоб в этот момент оказывался холодным. Пашке не нравилось, что Васька прикрывал глаза. И он начинал говорить. Ему казалось, что нужно говорить, чтобы Васька не закрывал глаза, а если он закрывает глаза, это плохо.

— Ничего, Васька, скоро придем, город близко. Видишь, как хорошо: ты лежишь, ничего не делаешь, а едешь, а город приближается. А в городе папка нас ждет, он нас накормит, тебя в больницу отвезет. Ты выздоровеешь. А потом ты будешь учиться у того художника, который тебе краски дарил, он в городе живет. Вырастешь большой, меня нарисуешь, и себя, как мы в город с тобой удирали. Да, Васька?

Пашка через силу улыбнулся и посмотрел на Ваську. И Васька слабо улыбнулся. А Пашка продолжал:

— А я, Васька, соврал, что мама меня не обнимала. Обнимала она меня, и тебя обнимала, только ты не помнишь, ты совсем маленьким был.

— Правда? — чуть слышно ответил Васька.

— Конечно. А знаешь, я тебе вот что не сказал. Папка говорил, что мамка снова с ним живет, нашлась она. Получается, нас и папка, и мамка ждут. Здорово, да? Ты слушай, только глаза не закрывай.

Ничего не говори, не отвечай, только глаза не закрывай.

Продвигались они медленно, Пашка уже чаще останавливался, времени уходило много, чтобы пройти даже небольшое расстояние. Брат встревоженно посматривал на Ваську, когда он прикрывал глаза, и продолжал говорить, но говорил громче, чтобы Васька открыл глаза.

Со стороны можно было видеть следующую картину: паренек тащит что-то наподобие носилок, приподняв ручки с одной стороны, а ручки с другой стороны волочились по земле, а посерединке среди веток и травы лежал на боку другой мальчик, меньше, он прижимал коленями свой живот и иногда посматривал на старшего. А по лесу громко раздавался голос старшего, который, казалось, из последних сил, наклоняясь вперед, тащил это груз и прерывисто, выдерживая паузы между словами, чтобы перевести дыхание, чуть ли не выкрикивал слова.

— Васька... а потом ты построишь... построишь...большой-большой дом... у тебя будет много... много-много детей, ты сам... не будешь их в детском... сам будешь...сам будешь...

Закончился лес, они вышли на опушку леса, тропинка пошла на спуск, и Пашке стало легче, под гору он пошел быстрее. Поле было скошено, на небольшом расстоянии друг от друга стояли копна. Пашка знал, что город уже близко, за этой поляной. Когда они дошли до середины поля, вокруг все загремело, и полил дождь. Пашка остановился около одной

копны, сказал Ваське: «Сейчас, подожди». А сам стал вытаскивать сено из копны, снизу, чтобы получилось углубление. Копна была свежая, недавно собранная, поэтому ему быстро удалось соорудить углубление под копной; подняв Ваську он перенес его в получившееся убежище. Удобно устроив Ваську, он еще немного повыдергивал сена, под место для себя, и лег рядом с Васькой.

Хотя они и промокли, но вскоре им стало тепло. Под копной было сухо, хотя дождь не переставая, лил и лил. Снаружи гремел гром и сверкали молнии. Они лежали, прижавшись друг к другу.

— Уже не так много осталось, дождь прекратится, дойдем, — сказал Пашка.

— Да и устал ты, меня уже сколько тащишь, — тихо ответил Васька.

— Ничего, дотащу. А тебе легче?

— Вроде да, сейчас вроде не колотит, и живот болит меньше.

— Но и хорошо, — Пашка потрогал лоб Васьки. — Вроде нет температуры. А то давче ты был такой горячий, горел весь.

— Пашка, а ты про маму не обманул, и она нас ждет?

— Еще чего, конечно, не обманул. Ждет.

— Пашка, я еще хотел спросить, а Катька в городе?

— Какая Катька?

— Но ты же знаешь, Пашка, из-за которой ты с пацанами подрался. Она вышла из-за сарая с разорванным платьем, мальчишки из девятой комнаты

ее там долго держали. Что они там с ней делали, били ее?

— Что делали? Не надо тебе еще об этом знать... Били.

— И тебя поколотили, ты один на них пошел с кулаками. А Катьку так и не нашли потом, она же сбежала. Но воспитатели сказали, что она вроде в городе.

— Не знаю, Васька, не знаю. Может, и в городе, а может, и нет... Нигде нет.

Они помолчали. После напряженного, тяжелого похода с избытком разных событий за этот день они так устали, что оказавшись на мягком сене, их тела расслабились; и хотя мальчишки очень хотели есть, сон оказался сильнее: через несколько минут они спали...

Пашка проснулся от того, что у него зачесалось в носу. Он был весь в сене. Он вылез на свет из-под копны, и ничего не мог понять: где он, что с ним. По-немногу пришел в себя. Было уже утро, небо было ясным, трава на земле была мокрая после вчерашнего дождя. Он смахнул с головы сено, сухие травинки с лица, вытащил из носа кусочек, осмотрелся. Около копны лежали вчерашние носилки-тащилки; копна, в которой они переночевали, стояла посредине поляны, с одной стороны был лес, откуда они пришли, а с другой... Пашка побежал в ту сторону. Метров через сто поляна закончилась, а за ней в низине, точно, город... Много-много домов, улицы с бегущими машинами. Отсюда был слышен городской шум. Пашка подпрыгнул: они дошли! Он

быстро побежал обратно, к копне, нужно будить Ваську, город совсем рядом.

Подбежал копне, и с криком: «Васька, просыпайся, мы почти пришли!», — начал раскидывать сено, чтобы добраться до Васьки. Но Васька не отвечал. «Хватит дрыхать», — Пашка добрался до Васьки, тронул за руку, но тут же одернул. «Васька?» — непонимающе пробормотал Пашка, вспомнил, что Васька болен, осторожно взял его на руки и на коленях вытащил его наружу. Тело его было холодным, таким холодным оно не было никогда, да и показалось Пашке оно каким-то твердым, не гнущимся. Пашка положил Ваську на спину, стал тормошить за голову: «Васька, просыпайся, ты чего?». Но Васька не отвечал. Глаза его так и не открылись, а тело его теперь лежало ровно, хотя со вчерашнего дня Васька мог лежать только скрючившись. Пашка ничего не мог понять. Он теребил его тело за руки, грудь, ноги... Потом резко остановился. И стал смотреть в лицо брата.

А потом раздался крик, как рев смертельно раненого зверя какого-то. За криком-ревом еще, потом рыдания и плач. Пашка, сидя на корточках, начал царапать пальцами мокрую землю, рыдая и плача, обхватывал голову грязными руками, проводил по лицу. И в этом плаче, крике была страшная боль, тоска, отчаяние... И несло это все над поляной, доходило до леса, эхом возвращалось обратно, приглушая повседневный шум недалеко стоящего города...

Отзывы, замечания и предложения
можно направлять на электронную почту
jadaganov@yandex.ru

или позвонить по телефону
8-913-982-77-63

- Пусть умираю я в пыли:
Я родился воробьем.
Но живет мечта внутри -
Стать когда-нибудь орлом!